

ВАДИМ НОРД
БЕРОНИКА
ЖЕЛАЕТ ВОСКРЕСНУТЬ

О ее тайне **знает**
лишь Бог...
и пластический
хирург

Вадим Норд
Вероника желает воскреснуть
Серия «Любимые женщины
пластического хирурга А.Берга»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8262312

Вадим Норд. Вероника желает воскреснуть: Яуза, Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73444-3

Аннотация

Вероника Алецкая – знаменитая актриса – стала жертвой непрофессионализма пластических хирургов. Ее карьера стремительно закатилась, жизнь полетела в тартарары. «Уж лучше петля, чем унижительное существование», – решает Алецкая. Но осуществить злонамеренное ей не удастся – в судьбу вмешивается случай. Женщине предлагают еще раз пройти по известному пути: обещания врачей, сложные операции, длительные периоды восстановления, страх разочарований. Готова ли Вероника к поединку с судьбой? Воскреснет ли из забвения ее имя? Нет у нее ответа на эти вопросы. Но жизнь сводит ее с Александром Бергом – талантливым пластическим хирургом. И Вероника, отчаянно сопротивляясь, попадает в зону его обаяния...

Содержание

1. Тот самый последний шанс	4
2. Пластический хирург	16
3. Через тернии к славе	28
4. Лучшее – враг хорошего	43
5. Мастер-класс	63
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Вадим Норд

Вероника желает воскреснуть

*Пряатель. Вот завел я этот разговор, а стоит
ли его продолжать – не знаю...*

Ёноскэ. В таком случае не продолжай.

Пряатель. Не могу. Ведь я уже начал.

Ёноскэ. Тогда говори!

Пряатель. Не так это просто...

*Акутагава Рюноскэ, «Рассказ Ёноскэ», перевод Т.
Редько-Добровольской*

1. Тот самый последний шанс

Выбирать вообще трудно, а выбирать последний раз в жизни, наверное, труднее всего. Особенно если приходится делать выбор между веревкой и двумя упаковками таблеток снотворного.

Веревка, конечно, проще. Спрыгнула со стула – и все, дело сделано. Просто, но неэстетично. Будешь висеть с посиневшим лицом, вывалившимся изо рта языком и мокрыми трусами. Вероника где-то читала, что сколько раз перед Этим в туалет ни ходи, все равно произвольно, да случится.

Ей-то, конечно, уже будет все равно, но не совсем. Веро-

ника всегда думала о том, какое впечатление она производит на окружающих. Даже в самые интимные моменты. Даже наедине с собой. И еще она всегда думала о том, что о ней скажут или напишут. Даже сейчас думала, несмотря на то что о ней уже года два ничего не писали.

Но ведь потом-то напишут! Непременно напишут! Статьи, воспоминания, биографическую книгу. И будет в той книге последняя фотография великой актрисы – с вывалившимся языком. Лицо-то ладно, его синевой уже не испортишь, но последней фотографии с вывалившимся языком совсем не хотелось...

За стеной зарокотала низкими басами дурацкая музыка.
– Был вечер музыки и ласки, – сказала Вероника. – Все в дачном садике цвело...

Марина, кстати, тоже повесилась (решимости уже было столько, что слово «тоже» не испугало нисколько). Но тогда времена были другие – страшные и в то же время деликатные. Не принято было публиковать все, что только в голову взбредет или под руку подвернется. И это правильно. Вот в прошлом году Ира Грунько разбилась в аварии, так все газеты на первых полосах напечатали ее фотографию с кровавым месивом вместо лица. Смотреть было страшно. Вероника даже всплакнула, забыв былые раздоры. Разве можно так неуважительно...

С эстетической точки зрения таблетки, конечно, выигрывали – никакого вывалившегося языка, спокойное, умирот-

творенное лицо Великой Актрисы, заснувшей вечным сном, но... Но вот длительность процесса Веронику совершенно не устраивала, она вообще была не из терпеливых. Положить в рот две штуки (больше за раз проглотить все равно не получится), запить водой, положить еще две, снова запить... И так пока не съешь всю сотню. Ужас! Глотать таблетки и думать о том, что это нудное занятие – последнее, что ты делаешь в жизни. Думать и глотать. Ужас-ужас-ужас! А меньше сотни никак нельзя – может не сработать. Нет, не получится у нее, духу не хватит. Одно дело – прыгнуть вниз с петель на шею (раз – и все!), и совсем другое – битый час таблетки поедать.

Ах, если бы под рукой был пистолет! Застрелиться – это быстро, просто, удобно, стильно и довольно эстетично, если стрелять в висок, а не в рот. Вероника столько раз стрелялась понарошку – на сцене и на съемочных площадках... Томный прощальный вздох, неувловимое движение бровью, дуло к виску, неслышное «прощайте все» или «прощаю всех» и... У режиссера Миндасова, любящего выворачивать-переиначивать классику, Вероника-Бланш в «Луне и гроше» стрелялась так, что зал сначала умолкал на две-три минуты, а потом взрывался та-а-акими аплодисментами. Аплодировали, а из глаз слезы. Как человек Миндасов полное ничтожество – подлец с замашками тирана, но дело свое знает и фишку рубит. Выстрел в висок гораздо более сценичен, чем отравление кислотой или каким-нибудь другим ядом. Совсем дру-

гой эффект.

Одна беда – пистолета у Вероники не было, и как его можно раздобыть, она не представляла. Купить? Где? У кого? И на что, в конце концов? Настоящий пистолет должен стоить дорого, тем более если покупать его в обход закона, а с деньгами у Вероники было туго.

Можно было прыгнуть вниз с какой-нибудь высоты, но это комильфо, показуха. Приличные люди умирают у себя дома, в родных, можно сказать, стенах. К тому же не факт, что повезет упасть с высоты красиво, так, чтобы лежать на асфальте надломленным цветком. Надломленный цветок – надломленная жизнь. Красивая, хоть и немного примитивная аллегория. Увы, упасть можно по-разному, вполне может получиться из Вероники кровавая лепешка, а не надломленный цветок. Фу!

Как все просто в кино и как все сложно в жизни! А ведь когда-то казалось наоборот. Были времена...

Трубка радиотелефона, валявшаяся рядом на диване, запылала и замигала желтым. Музыка за стеной тотчас же стихла – совпадение. Вероника сначала не хотела отвечать на звонок, потом представила себе заголовок: «Последний разговор с Великой Актрисой», нет, лучше так: «Прощальные слова Великой Актрисы» и взяла трубку.

– Да? – выдохнула она, стараясь вложить в голос как можно больше отстраненного равнодушия, приличествующего тем, кто одной ногой и всеми своими мыслями уже ТАМ.

– Здравствуйте! – зарокотал приятый мужской баритон. – Скажите, пожалуйста, это квартира госпожи Алецкой?

– Да, – столь же отстраненно подтвердила Вероника.

Ответным «здравствуйте» она пренебрегла намеренно. Неуместное слово, совершенно не подходит к трагическому моменту.

– Могу я поговорить с Вероникой Николаевной?

Голос из прошлого. Не в том смысле, что Вероника узнала своего собеседника, а в том, что такие приятные и вежливые голоса звонили ей раньше, до того... Сразу чувствовалось, что собеседник не из нынешнего круга знакомых.

– Я вас слушаю.

Журналист? Не похоже. Журналисты нахрапистые и говорят быстро-быстро, торопятся. А этот говорит медленно, с расстановкой, и никакого нахрапа. Но в то же время никакого заискивания. Ровное нейтральное дружелюбие.

– Вероника Николаевна, меня зовут Михаил Петрович, – представился собеседник. – Я помощник Виталия Виленовича Соймонова и звоню вам по его поручению...

Кто такой Виталий Виленович Соймонов, Вероника сразу не сообразила. Сначала почему-то решила, что это адвокат, представляющий интересы соседей снизу. Не далее как три дня назад Вероника снова их залила, и соседи грозились судиться. У адвокатов же есть помощники, без них никуда. А потом словно молния сверкнула в голове – Соймонов! Неужели тот самый Соймонов? Владелец заводов, газет, па-

роходов и чего-то такого монструозного металлургического с длинным царапающим слух названием? Вот это да! Вот так номер! Зачем этому магнату вдруг понадобилась Вероника? Кроме нее, больше некому корпоратив провести?

Или это чей-то розыгрыш? На розыгрыши актерская братия традиционно сильна. Как на добрые, так и на жестокие. И первое место среди розыгрышей занимает звонок от какой-нибудь влиятельной особы. Году в девяносто пятом весельчак Ваня Габин позвонил домой Глебу Тютюнникову и, мастерски копируя голос и манеру речи тогдашнего президента, славящегося своими неожиданными кадровыми решениями, поздравил его с назначением на пост министра культуры. Сказал, что минуту назад подписал указ, который завтра будет опубликован, и решил первым сообщить «легенде отечественной сцены и светочу российской культуры» эту новость. Габин был убедителен до невозможности. Тютюнников клюнул, повелся, поверил, а на следующий день угодил в реанимацию с крупноочаговым инфарктом. Не выдержала тонкая натура горькой правды. Хорошо еще, что жив остался. Подобных случаев можно вспомнить сколько угодно, было бы желание.

«Кто это может быть?» – начала лихорадочно прикидывать Вероника. Любопытство не оставляло ее даже на пороге смерти, да и в дурацкое положение, стоя на этом самом пороге, попадать совсем не хотелось.

– Виталий Виленович давний поклонник вашего таланта,

Вероника Николаевна, – продолжал помощник. – «Таежный кордон» можно назвать его настольным фильмом...

«Таежный кордон»! Ах, как давно это было! Так давно, что кажется, будто и не с ней вовсе... Вероника еще поначалу не хотела сниматься в «Кордоне», потому что ей не нравилась сама идея фильма – переплетение роковых страстей в глухой-преглухой глубинке. Кто это будет смотреть? Кого можно заинтересовать военно-провинциальным адюльтером после блистательного «Анкора»?

Спасибо режиссеру Кудлянскому – настоял, убедил, можно сказать, за руку затащил Веронику в свою картину. Уже на первой неделе съемок Веронике стало ясно, что это будет нечто. Шедевр! Бомба! Точнее – блокбастер! У нее был нюх на удачу. Безошибочная, можно сказать, интуиция. Снимали какую-то третьестепенную сцену (Кудлянский, подобно многим режиссерам, не любит начинать со сложного и главного, дает возможность людям «вжиться» в картину), и, когда прозвучало «стоп», Веронику осенило.

Предчувствие сбылось. Положа руку на сердце (как же оно сейчас колотилось!), можно было назвать роль Ксюши в «Кордоне» лучшей ролью Вероники. Неделию назад еще надо было говорить «лучшей из сыгранных», а сегодня можно сказать просто «лучшей». Ясно же, что больше никаких ролей Вероника Алецкая не сыграет. Это давно было ясно всем и наконец-то дошло до самой Вероники.

Черта подведена. Осталось только поставить точку.

Предавшись воспоминаниям, Вероника перестала слушать собеседника, но слова «Виталий Виленович хотел бы встретиться с вами» вернули ее из прошлого в настоящее.

– Встретиться? – переспросила она, окончательно убеждаясь, что это все же розыгрыш.

Ну, зачем, скажите на милость, миллиардеру с ней встречаться? Цыпочек-лялечек ему не хватает или в рекламном ролике больше не с кем сняться? Ага! Только, как говорится, свистни... С чего бы это?

– Да, встретиться, – тем же своим ровным тоном подтвердил собеседник. – Где и когда вам, Вероника Николаевна, было бы удобно?

Вот теперь-то Вероника окончательно убедилась, что ее разыгрывают. Не поняла только кто, потому что голос в трубке был совершенно незнакомым. Кто-то так виртуозно меняет свой голос, подобно покойному Габину, или подговорил приятеля? А впрочем, какая разница.

– Мне удобно сегодня! – тоном, не допускающим возражения, сказала Вероника, желая как можно скорее поставить точку в этой затее. – Через час. У меня дома.

Прозвучало это как «Отвяжись, идиот». Можно было ожидать, что «помощник Соймонова» стушует, впадет в замешательство, но он как ни в чем не бывало спросил:

– А можно через три часа, Вероника Николаевна? Раньше Виталий Виленович не успеет.

– Хорошо, – согласилась Вероника, – пусть приезжает че-

рез три. Адрес сказать?

– Спасибо, Вероника Николаевна, ваш адрес я знаю, – ответил собеседник и отключился.

Вероника раздраженно отшвырнула от себя трубку. Напрасно ответила на дурацкий звонок, только время зря потеряла. Не так уж много у нее осталось времени, чтобы тратить его понапрасну на всяких шутников. Хватит! Баста, как говорят итальянцы! Больше никаких контактов! Все кончено! Вероника Алецкая уходит! И может, кто-то когда-то напишет о ней столь же трогательно и проникновенно, как написал об Ахматовой Евтушенко. «Не верилось, когда она жила, не верилось, когда ее не стало. Она ушла, как будто бы напев уходит в глубь темнеющего сада...» Какие слова! Какие замечательные слова! «Как будто бы напев уходит в глубь темнеющего сада...» Как это верно! Что есть человеческая жизнь, как не напев, песня, пронзительный крик истерзанной души? И не в тьму уходит, не в небытие, а «в глубь темнеющего сада». Красиво, утонченно...

Будучи не в силах больше сдерживать эмоции, Вероника разрыдалась от жалости к себе и прорыдала добрых полчаса. Кое-как успокоившись, закусил губу и отправилась в ванную, приводить себя в порядок. Из ванной прошла в спальню, села перед резным трельяжем (ручная работа, стилизация под XIX век) и по новой начала накладывать макияж. При нынешней «морде лица» макияж особой красоты Веронике добавить не мог, но все же, все же... Здесь сгладить,

там подчеркнуть, обычное дело.

Глядя на себя в зеркалах (анфас – жуть и мрак, а вполоборота и если голову слегка наклонить, то еще терпимо), Вероника определилась окончательно. В пользу таблеток. Долго, нудно, зато – элегантно. Только надо правильно срежиссировать это действие, завершающий аккорд.

Таблетки выдавить из блистеров заранее – так будет удобнее. И не в тарелку, а в изящную хрустальную вазочку из числа уцелевших. В последнее время у Вероники сильно дрожали руки, из-за чего она перебила много разной посуды. И запивать не водой, а вином. Красным. Красный – цвет крови, цвет страсти, цвет смерти. И не просто так сидеть в кресле и запивать, а читать стихи. «Дохлую томную лирику», как выразился Есенин. Вероника любила и чувствовала поэзию. И черное вечернее платье лучше сменить на серебристое с оборками. Умирать в черном слишком пошло, тем более что еще не вечер. Далеко не вечер.

Вероника накрыла журнальный столик тяжелой белой скатертью. Скорее даже не накрыла, а задрапировала. Складки до полу превратили столик в подобие некоего алтаря смерти, придав ему монументальной величественности. Заодно скатерть скрыла царапины. Веронике никогда не было свойственно бережное отношение к вещам, а в последний год и подавно.

Дрожащими нервными пальцами Вероника начала выдавливать в вазу таблетки. Несколько таблеток, упав на пол, раз-

бежались по комнате, но Вероника не стала их искать. И без того хватит, незачем мелочиться. Вазу она поставила в центр, положила рядом томик поэтов Серебряного века, поставила перед ним бокал для вина и только тогда спохватилась, что вина-то у нее нет. С известных пор спиртное у Вероники не задерживалось, выпивалось сразу же, благо повод – плохое настроение – наличествовал постоянно.

Досадно, но ничего не поделаешь – пришлось Веронике отправляться за вином в супермаркет, находившийся в соседнем доме. Магазиновая суета совершенно не отразилась на торжественности момента. Вероника не раздумывая взяла с полки две бутылки самого дорогого вина (шестьсот восемьдесят семь рублей сорок копеек за бутылку) и терпеливо отстояла очередь в единственную работавшую кассу, думая о том, какая же, в сущности, гнусная штука жизнь. Недаром кто-то из древних римлян утверждал, что высшее счастье заключается в том, чтобы вообще не родиться.

Ничего, скоро все закончится. Немного осталось. Совсем чуть-чуть.

На душе было печально и... спокойно. Решение принято, выстрадано, нет смысла колебаться и медлить. Сейчас Вероника придет домой, сменит кроссовки на элегантные, но крайне неустойчивые шпильки, откупорит бутылки, сядет в кресло и начнет играть последнюю в своей жизни роль. Степень погруженности в себя и отстраненности от мира была настолько высокой, что Вероника надела к платью кроссов-

ки, чего в обычном состоянии никогда себе бы не позволила. Даже будучи сильно нетрезвой. Кроссовки – к спортивному костюму и к джинсам, к платью – туфли, и желательно сочетающиеся по цвету и стилю. Поход в магазин был не действием, не спектаклем, а всего лишь подготовкой. Можно не обращать внимания на мелочи.

Вероника не обращала внимания на мелочи настолько, что проигнорировала предложенный кассиршей пластиковый пакет и ушла из магазина, держа в каждой руке по бутылке. «Полное вульгаритэ», как сказала бы мама. Интересно, а мама ее ТАМ встретит? А если встретит, то что скажет? Мама у Вероники была строгой, с вечной складкой на переносице...

Много позже Вероника будет вспоминать свое возвращение домой в узком кругу так:

– Представьте себе, как захожу я во двор, вся такая целеустремленная и решительная, бутылки держу крепко, аж пальцы судорогой сводит, а во дворе машин – не протолкнуться, и у подъезда моего стоит целая делегация! И все так понимающе на бутылки смотрят. Приспичило среди бела дня винца попить, что тут такого особенного?

2. Пластический хирург

– Я – пластический хирург! Пластический, а не пластичный. Улавливаете разницу, Геннадий Валерианович?

– Улавливаю. Вы мне не в первый раз это говорите, Александр Михайлович. Но взгляните на эту проблему с другой стороны. Что есть наша жизнь, как не бесконечная череда компромиссов? Точнее говоря – один сплошной компромисс. Или я не прав?

– Начальство всегда право. – Александр сдержанно улыбнулся. – Но...

– Зачем вы так? – скривился Геннадий Валерианович. – Я же разговариваю с вами не как директор с сотрудником, а как умный человек с умным человеком.

– Одно не исключает другого, – заметил Александр.

– Ну, вы же поняли, что я хотел сказать, – Геннадий Валерианович устало вздохнул. – Я же мог бы просто при... распорядиться. В вашем контракте, Александр Михайлович, черным по белому написано, что вы обязаны выполнять распоряжения администрации.

– А еще в нем написано, что я имею право отказаться от лечения пациента с обоснованием причин отказа, – напомнил Александр.

Этот пункт был вставлен в контракт по его настоянию. Пациенты бывают разными. Взгляды на лечение бывают разными.

ми. Интересы у клиники и сотрудника могут быть разными. И вообще, не стоит связывать себя по рукам и ногам обязательствами, не оставляя пространства для маневра. Все хорошо в разумных пределах.

– Я не считаю ваш отказ обоснованным! – помотал лысой головой Геннадий Валерианович. – Не счита-ю!

– Почему, Геннадий Валерианович? – искренне удивился Александр. – Кажется, я довольно подробно все объяснил. Могу повторить.

Лицо главного врача побагровело. Официально должность Геннадия Валериановича называлась «генеральный директор клиники», но, по устоявшейся традиции, его гораздо чаще называли главным врачом, нежели директором. Руководитель медицинского учреждения, значит – главный врач. Только сам он неизменно употреблял слово «директор». Как положено. Геннадий Валерианович был педантичен до невозможности. И, соответственно, до невозможности занудлив. У него были два любимых конька – порядок и спокойствие. За присказку «спокойствие, только спокойствие», употребляемую к месту и не к месту, сотрудники прозвали Геннадия Валериановича Карлсоном. Он и внешне был немного похож на Карлсона – невысокий бодрый толстячок, только пропеллера нет и волос на голове.

– Я помню то, что вы мне сказали, – нахмурился Геннадий Валерианович. – Но это же детский лепет. «Я не склонен исправлять чужие ошибки». «Прошло столько времени». «Я

сейчас очень занят». Это, по-вашему, основания для отказа?

Александр молча кивнул.

– А по-моему, нет! – Геннадий Валерианович негромко хлопнул ладонью по столу, словно аукционист молоточком, давая понять, что торг окончен, и, не удовлетворившись этим, строго посмотрел на строптивного сотрудника.

Строптивный сотрудник никак не отреагировал. Сидел, улыбался краешками губ и смотрел на Геннадия Валериановича. «Как баран на новые ворота!» – раздраженно подумал Геннадий Валерианович и тут же одернул себя, напомнив про вожденное спокойствие, которое он уже успел утратить начисто. Сердце колотится, в висках стучит – давление, и так и подмывает сказать собеседнику нечто резкое.

Сказал бы, да нельзя. Доктора Берга примет с распростертыми объятиями любая московская клиника. «Любая европейская», – педантично уточнил Геннадий Валерианович, привыкший быть честным с самим собой. Перегнешь палку – лишишься уникального сотрудника. Так нельзя.

Геннадий Валерианович был не просто генеральным директором клиники, но и ее совладельцем. Самым маленьким, «семипроцентным» совладельцем, но эти семь процентов побуждали его обуздывать начальственные амбиции и всегда исходить из интересов дела. А в интересах дела никак нельзя было расставаться с таким сотрудником, как доктор Берг. Поэтому Геннадий Валерианович выдержал небольшую паузу, стараясь максимально подавить раздражение, и

дипломатично зашел с другого боку.

– Это же Соймонов, – тоном отца, объясняющего маленькому сынишке очевидные вещи, начал он. – Человек с волшебной палочкой...

«Скорее – с бездонным карманом», – подумал Александр.

– Его расположение стоит очень дорого, – продолжал Геннадий Валерианович. – Это реклама, это статусность, это новые возможности, это связи, это кредиты на супервыгодных условиях. Наша клиника, конечно, крепко стоит на ногах, и мы ни от кого не зависим, но пренебрегать расположением Соймонова было бы неправильно. Как тактически, так и стратегически. Я, как руководитель и совладелец клиники, не могу позволить себе...

«Не позволяйте», – прочел Геннадий Валерианович во взгляде Александра, и раздражение снова овладело им.

– Соймонов хочет, чтобы именно вы занялись его протезе! Вас ему рекомендовали как прекрасного специалиста, Александр Михайлович! Вам бы радоваться, а вы вместо этого нервы мне треплете! Вот как я должен поступить? Позвонить Соймонову и сказать: «Ах, Виталий Виленович, к сожалению, доктор Берг очень занят и вообще он не любит исправлять чужие ошибки»? И что будет потом?

– Соймонов найдет другого пластического хирурга, – предположил Александр.

Геннадий Валерианович изобразил на лице крайнюю степень страдания и махнул рукой. В этом взмахе было столько

безнадежного отчаяния, что Александру стало жаль директора. Хороший ведь, в сущности, человек Геннадий Валерианович, не злой, не подлый, не самодур какой-нибудь.

– Поймите меня правильно, Геннадий Валерианович, я же не выпендриваюсь и не цену себе набиваю. Я просто не хочу связываться с этой вашей Алецкой. Я давно уже зарекся что-то за кем-то переделывать и взял за правило...

– Ну почему? – Главный врач совершенно по-женски всплеснул руками. – Почему вы придумали себе такое правило, Александр Михайлович?!

– Во-первых, далеко не все можно исправить, – начал перечислять Александр, загибая пальцы на правой руке. – Увы, испортить легко, а исправить трудно. Про «сделайте мне так красиво, как мне тогда обещали» я вообще промолчу, чудеса – это не по моей части. Во-вторых, пациенты, имеющие в анамнезе негативный опыт, крайне сложны в работе. Сознательно или неосознанно они переносят весь этот негатив со старых врачей на новых. Это очень сильно мешает работе, потому что никак не получается установить контакт. А я, например, не могу работать без контакта с пациентом. Я должен понимать пациента, и пациент должен понимать меня. В-третьих, я не очень-то люблю работать с богемой...

– Это вы не раз уже говорили, – поморщился Геннадий Валерианович. – Лучше скажите, с кем вы любите работать.

– Больше всего я люблю работать с деловыми людьми, – улыбнулся Александр. – С ними проще. Они прагматики, я

тоже прагматик. Дальше продолжать, Геннадий Валерианович?

– Продолжайте, раз начали, – буркнул главный врач.

– В-четвертых, вы упомянули про проблемы с алкоголем...

– Проблемы с алкоголем? – саркастически переспросил Геннадий Валерианович. – Мы что с вами, Александр Михайлович, в Саудовских Аравиях живем? Да у нас сплошь и рядом эти проблемы. У каждого первого!

– У вас они есть, Геннадий Валерианович? – поинтересовался Александр.

– Нет, – Геннадий Валерианович немного опешил от столь неожиданного вопроса.

– И у меня тоже нет, – Александр снова улыбнулся. – И я могу назвать множество знакомых нам обоим людей, у которых нет проблем с алкоголем. Так что вы немного преувеличиваете. Я, кстати, не совсем правильно выразился, Геннадий Валерианович. Проблемы с алкоголем, как таковые, меня не смущают, в конце концов, каждый сам выбирает, что ему пить. Меня смущает недисциплинированность, ярким проявлением которой являются эти проблемы.

– Ну да, – кивнул главный врач. – Вы же немец. Порядок прежде всего и все такое.

Вообще-то Александр был потомком немецких переселенцев, перебравшихся в Россию при Екатерине Второй. За три века немецкая кровь изрядно разбавилась, и родным

языком у Бергов давно стал русский, но тем не менее многие считали Александра немцем, тем более что ему были свойственны все канонические черты этой нации – любовь к порядку, пунктуальность, сдержанность. Со сдержанностью, впрочем, иногда возникали проблемы, и причиной тому были казацкие корни. Бабушка с материнской стороны, Анна Тимофеевна, происходила из старинного забайкальского казачьего рода Войлошниковых. От нее Александр унаследовал карие глаза и вспыльчивость, которая, как ее ни подавляй, время от времени проявлялась. Причем в самых неожиданных обстоятельствах.

Сегодня Александр был совершенно спокоен. Еще немного, минут пять-десять, и неприятный разговор закончится. Геннадий Валерианович вздохнет, скажет свое обычное «Вольному воля, спасенному рай» и отпустит Александра с миром. Подуется, конечно, дня три, а потом отойдет. Он вообще-то отходчивый и плохого старается не вспоминать.

– И в-пятых, у меня совершенно нет времени, – добавил Александр, загибая большой палец. – Все операции расписаны на два месяца вперед.

Об этом, впрочем, можно было и не напоминать. Но тоже ведь довод.

Александр разжал пальцы, давая понять, что закончил перечислять причины. Если Геннадий Валерианович все еще думает, что он набивает себе цену, то можно повторить все в более доходчивой форме. Рабочий день закончился, ника-

ких планов на вечер нет, можно хоть до полуночи сидеть в кабинете главного врача и переливать из пустого в порожнее. Рано или поздно Геннадий Валерианович сдастся, но лучше бы, конечно, пораньше. Пререкания с руководством далеко не самый приятный вид досуга.

– Так-то оно так, – Геннадий Валерианович снова вздохнул и капитулировал. – Ох, не знаю, что сказать Соймонову...

– В нашей клинике работает столько высококвалифицированных специалистов... – как бы между прочим заметил Александр, желая немного подсластить Геннадию Валериановичу горечь поражения. – Можно сказать, что корифей на корифее сидит и корифеем погоняет.

Примерно так оно и было. В клинику «La belle Hélène»¹ врачей брали с большим разбором. Даже с очень большим, с огромным, можно сказать, разбором. Сюда вообще никого не брали в полном смысле этого слова, а настойчиво приглашали или переманивали. Устроиться в «La belle Hélène» по своей инициативе было невозможно, инициатива должна была исходить от администрации, то есть непосредственно от Геннадия Валериановича. В хедхантерстве² Геннадию Валериановичу не было равных. Он умел подать свою клинику,

---

¹ La belle Hélène – Елена Прекрасная (*фр.*).

² Хедхантер (дословно «охотник за головами» – от *англ.* head – «голова» и «hunter» – охотник) – человек, занимающийся поиском и переманиванием нужных компании работников.

то есть обрисовать преимущества работы в ней, умел обаять, умел прельстить. И еще он никогда не мелочился, если, конечно, дело того стоило.

– Но он-то хотел, чтобы вы...

Договаривать Геннадий Валерианович не стал. Поморщился, словно кольнуло в поясницу или зуб вдруг заболел, покачал головой и сказал.

– Всего хорошего, Александр Михайлович.

– Взаимно, – коротко ответил Александр, вставая со стула.

Он подошел к двери, взялся за вычурную бронзовую ручку и в этот момент представил, как сидит сейчас где-то грустная женщина с некрасивым лицом и вспоминает свою прежнюю жизнь. Она еще молода, но у нее все в прошлом – работа, известность, красота. Впереди ничего, кроме унылых однообразных дней, похожих друг на друга как две капли воды. В прошлом – надежды, счастье, яркая, настоящая жизнь. В будущем – серая пустота. Женщина сидит у стола, вспоминает то, что было, и, ужасаясь этому «было» (нет ни в одном языке более безжалостного слова), медленно цедит вино из высокого хрустального бокала на длинной тонюсенькой ножке.

Glück und Glas, wie leicht bricht das.³

Воображение у Александра было богатое. Как и положено пластическому хирургу. Если обычная хирургия (от-

---

³ Счастье и стекло, как же легко они бьются (нем.).

резал-удалил) – это ремесло, то пластическая – искусство, творчество. Пластический хирург не столько хирург как таковой, сколько ваятель, творец. Великий Микеланджело брал глыбу мрамора и отсекал от нее все ненужное. Примерно так же действуют и пластические хирурги – ненужное отсекают, а нужное добавляют. И, прежде чем начать работать, надо четко представлять, что ты хочешь получить. Как же тут без воображения? Лев Яковлевич, учитель и наставник Александра, в докомпьютерную эпоху лепил лица своих пациентов из глины, чтобы показать, чего именно он хочет достичь. Сейчас благодаря компьютерным программам все гораздо проще, но все равно надо хорошо представлять, чего ты намерен добиться в конечном итоге.

Женщина подняла голову и встретила взглядом с Александром. Взгляд ее был бесстрастным, и в то же время в нем явственно ощущалась тоска, переходящая в пронзительно-пронизывающую боль.

Александр постоял несколько секунд, держась за дверную ручку, а потом вернулся обратно. Сел на стул, достал из бокового кармана халата блокнот, а из нагрудного ручку и сказал:

– Я возьму Алецкую, Геннадий Валерианович. Сам ей позвоню. Продиктуйте, пожалуйста, телефон.

Около минуты Геннадий Валерианович боролся с удивлением. Потом хмыкнул, то ли выражая удовлетворение достигнутым результатом, то ли недовольство – незачем бы-

ло столько времени тратить на пререкания, и продиктовал Александру оба телефона – домашний и мобильный.

– Запишите на всякий случай телефон помощника Соймонова, – предложил он, но Александр отрицательно мотнул головой.

– Олигархи – это ваша сфера, – сказал он, пряча усмешку. – Тем более что он не родственник пациентки.

– Поклонник – это больше, чем родственник, – заметил Геннадий Валерианович, но Александр уже убрал блокнот.

«Странные они, эти немцы, – подумал Геннадий Валерианович, когда за Александром закрылась дверь. – Сначала «нет-нет-нет», а потом вдруг «да». Удивительно...»

Поразмыслив еще немного над особенностями немецкой души (увы, материала для размышлений было негусто – знакомство с доктором Бергом да впечатления от туристической поездки по Германии), Геннадий Валерианович решил, что дело не в этих самых особенностях, а в его таланте психолога. Сумел же – убедил, несмотря на сопротивление. Можно гордиться.

– Что ни говори, а я все-таки умею находить общий язык с людьми, – сказал Геннадий Валерианович супруге за ужином. – Порой это так трудно, но я справляюсь...

Супруга улыбнулась и ответила своим обычным:

– Ты у меня вообще умничка. Положить еще рыбки?

Рыбку Геннадий Валерианович уважал. Вкусно, полезно, не слишком калорийно. И фосфора много, а фосфор это о-

го-го...

Александр в это время тоже ужинал – грыз яблоко, записывал его зеленым чаем и попутно искал в Интернете сведения о Веронике Алецкой. Перед тем как начать общение с пациентом, надо узнать о нем как можно больше. Тогда и контакт наладится сразу, и проблем не будет.

Сведений было много, но все они были давними, как минимум двухлетней давности. А дальше – ничего. Пустота, информационный вакуум. Так бывает. Так часто бывает. Слава изменчива и капризна.

– Вероника Алецкая, – вслух сказал Александр, прислушиваясь к тому, как звучит это имя.

Алецкая. Редкая фамилия. У Александра не было ни знакомых, ни пациентов с такой фамилией. Или это псевдоним? Актеры любят брать звучные псевдонимы. Алецкая – красивая фамилия. И Вероника красивая. Была, во всяком случае...

3. Через тернии к славе

Алецкая – это не псевдоним, а настоящая фамилия, доставшаяся Веронике от отца. Кроме фамилии отец ей ничего не оставил – он ушел из семьи за месяц до рождения Вероники. Ушел и пропал, как в воду канул. Ни весточки, ни алиментов.

– У всех отцы как отцы, – вздыхала мать, глядя Веронику по кудрявой головке, – а у тебя не поймешь что.

– Папа хороший, – возражала Вероника. – Только он очень занят.

Про то, что отец занят какими-то важными делами, Вероника придумала сама, без помощи матери или кого-то еще. Детская логика – если папы нет с нами, значит, он сильно чем-то занят. Как освободится – сразу же приедет. С подарками.

– Занят, – соглашалась мать и меняла тему разговора.

Чаще всего она переключалась с отца на дочь – начинала хвалить Веронику. Не дочь, а сокровище – умница, красавица, помощница. Все на словах понимает, без ремня. В поселке, где родилась и провела свое детство Вероника, ремень был главным воспитательным атрибутом.

Главный воспитательный атрибут – ремень. Главный атрибут досуга – бутылка. Линия жизни прямая как стрела – детский сад, школа, техникум, замужество, семья, дети, за-

вод, пенсия, кладбище. Осторожно, двери закрываются, следующая остановка... и так до конца.

Веронику работа на заводе не привлекала. Чего там хорошего – шум, грязь, смешные деньги, ноль перспектив. Еще в детском саду, сыграв мышку в спектакле про репку, Вероника вкусила сладость актерства и решила, что непременно, во что бы то ни стало, станет актрисой. Сдохнет, в лепешку расшибется, а станет. Потому что не видит для себя другого пути, другой стези.

Класса до восьмого мать относилась к этому спокойно. Какая девочка не мечтает стать актрисой? Мечтать не вредно. Но, поняв, что Вероника не просто мечтает, а всерьез намерена ехать в Москву и «учиться там на артистку», мать встала на дыбы.

– Какая Москва?! – кричала она чуть ли не каждый вечер. – Не пущу! Хочешь в институт – поступай в Красноярске! И специальность выбери нормальную какую-нибудь!

Самыми нормальными специальностями в ее представлении были бухгалтер или педагог.

– В Красноярске скучно! – огрызалась Вероника. – И специальность у меня самая лучшая, другой не надо.

Мать выходила из себя и начинала говорить про артисток нехорошее. И лентяйки они все, и алкашки, и проститутки, и детей почти ни у кого нет из-за постоянных аборт. Вероника поначалу возмущалась такой злобной дремучестью, спорила, пыталась переубедить, но быстро поняла бесперспек-

тивность подобного подхода и начала отмалчиваться. Правильная, в общем-то, тактика, ведь если не подливать масла в огонь, то огонь быстро погаснет.

Где-то через год мать частично сдалась. Смирилась с тем, что дочь будет артисткой, но по-прежнему выступала против учебы в Москве.

– В Красноярске же есть институт искусств, – убеждала она. – Красноярск близко, на выходные можно приезжать домой, да и спокойнее-то в Красноярске...

Веронике спокойствия не хотелось, даже наоборот – ей хотелось беспокойной столичной жизни, которая отсюда, из далекого сибирского поселка, представлялась вечным праздником, феерически ярким, упоительно радостным... В Москве была настоящая жизнь. Там были ВГИК, ГИТИС, «Щука»⁴, «Щепка»⁵, Школа-студия МХАТ... Окончишь – и все двери открыты перед тобой, выбирай любую. А куда по-даться после Красноярского института искусств? В местный ТЮЗ⁶ на амплуа вечной Снегурочки – Дюймовочки? Такого «счастья» Веронике и даром было не надо. Ее манили заоблачные высоты, слава, признание...

– Жизнь – это спектакль, и от нас зависит, какую роль мы

---

⁴ Театральный институт имени Бориса Щукина, ранее – Высшее театральное училище имени Б. В. Щукина.

⁵ Высшее театральное училище (институт) имени М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре.

⁶ ТЮЗ – Театр юного зрителя.

в нем получим, – говорила она подругам.

Подруги млели, закатывая глаза. Они верили, что Вероника станет актрисой, иначе бы они с ней не дружили. Верили и восхищались.

В Москву Вероника приехала со ста тридцатью рублями и большими надеждами. Сто тридцать рублей (семьдесят пять Вероника скопила, разнося почту во время летних каникул, пятьдесят пять дала мать) были по тем временам солидной суммой, можно сказать – средней месячной зарплатой. Во всяком случае, Вероника рассчитывала, что этих денег ей с лихвой хватит на то, чтобы прожить в столице два месяца, до тех пор пока она не поступит во ВГИК или в ГИТИС. А там уже и общежитие будет, и стипендия. Главное – поступить.

Двадцать пятого августа Вероника отправила маме телеграмму из трех слов «Поступила все нормально». Куда именно поступила, уточнять не хотелось, потому что никуда она не поступила, а устроилась уборщицей на автомобильный завод имени Ленинского комсомола, производивший почти забытые нынче автомобили «Москвич». Работа была не ахти какая, но зато давала деньги на жизнь, временную прописку в Москве и койку в общежитии. Домой Веронике возвращаться не хотелось. Точнее, она просто не могла вернуться в родной поселок, откуда уезжала совсем недавно вся такая возвышенно-одухотворенная, проигравшей, побежденной обстоятельствами. Нет уж, лучше так, уборщицей, зато в Москве. «Главное, зацепиться в столице, а там все сложит-

ся», – рассуждала Вероника.

Обиднее всего было то, что во всех местах, куда Вероника пробовала поступить, от «Щуки» до ГИТИСА, она неизменно срезалась на творческом конкурсе, во время демонстрации своих актерских способностей. Чрезмерное волнение (а кто бы на ее месте не волновался бы?) обернулось скованностью и излишком пафоса. Короче говоря – держалась Вероника ненатурально. Человек, менее уверенный в себе и своей одаренности, сдался бы и начал искать себе новое поприще, но Вероника верила в себя и в свою счастливую звезду. Ей просто не повезло, но это же не означает, что ей никогда не повезет. Повезет, да еще как повезет, так повезет, что все ахнут!

Пока что ахала только Вероника. С непривычки от швабры и тяжелых ведер с водой немилосердно болели спина и руки. Хорошо еще, что симпатичную Веронику поставили уборщицей в здание заводоуправления, а не в какой-нибудь из заводских цехов. Постепенно Вероника привыкла, втянулась, освоилась, даже записалась в театральную студию при заводском Дворце культуры. У завода (подумать только!) имелся свой собственный молодежный драматический театр. Не бог весть что, обычная, в сущности, самодеятельность, но название! Не «коллектив самодеятельности», а «театр»! В названиях вся соль, вся сокровенная суть. В письмах матери и подругам Вероника с упоением рассказывала об учебе, о своих достижениях, о ролях, которые она играла,

о новых знакомствах, о хорошей московской жизни... На самом деле все обстояло далеко не столь радужно, но в студии Веронику «обтесали» (сама она в этом контексте употребляла глагол «отшлифовать»), научили правильно держаться на сцене и правильно подавать себя, в результате чего на следующий год она поступила в вожденный ГИТИС. Повезло, звезды выстроились на небе наилучшим образом, творческий конкурс прошел на ура, остальные экзамены удалось сдать на четверки и пятерки (память у Вероники была отменной и голова варила хорошо), в результате чего Вероника наконец-то стала студенткой.

На дворе был 1985 год, разгар всесоюзной борьбы с пьянством и алкоголизмом. Жестокой, надо сказать, борьбы. Партия и правительство насаждали поголовную трезвость крайне суровыми, беспощадными мерами.

Новый год без шампанского и салата оливье – это не праздник, а так – дата в календаре. Сразу же после боя курантов в общежитие на Трифоновской улице нагрянула комиссия, возглавляемая заместителем декана режиссерского факультета. Вероника, немного перебравшая шампанского, наговорила комиссии дерзостей, некоторые из которых можно было счесть политически провокационными, в результате чего была исключена не только из института, но и из комсомола. Остальные участники застолья получили выговора с предупреждением, потому что сидели тихо и не качали права.

Вероника до последнего не верила, что ее исключат. Наде-
ялась, что поругают-поругают и простят, сжалятся, спустят
на тормозах. В сущности, она ничего такого страшного не
сделала. Ну, сказала, что раз шампанское продается в совет-
ских магазинах, то почему бы советским людям его не пить?
Ну, назвала генерального секретаря Горбачева «минераль-
ным секретарем». Ну, вырвала из рук секретаря институт-
ского комитета комсомола початую бутылку шампанского и
демонстративно допила ее. Разве можно из-за этого ломать
человеку жизнь? Тем более что, протрезвев, Вероника осоз-
нала содеянное и выразила раскаяние не только в устной,
но и в письменной форме.

Оказалось, что можно. Пришлось Веронике снова устра-
иваться на работу. На сей раз это оказалось сложнее. «Вы не
состоите в комсомоле? – удивлялись кадровики. – Почему?
Ах, вот оно что... К сожалению, ничего вам предложить не
можем» Еле-еле удалось устроиться на один из деревообра-
батывающих комбинатов, разнорабочей в столярный цех.

Перспективы вырисовывались самые мрачные. Назад, то
есть домой, пути нет, впереди – ни единого просвета. По-
ступить на будущий год заново? В ГИТИС можно больше не
пытаться, да и в другие учебные заведения тоже не возьмут.
Спросят: «А вы разве не комсомолка?» – и дадут от ворот
поворот. Что же теперь, до двадцати восьми лет⁷ шваброй
махать и доски тягать? Вероника попробовала было вступить

---

⁷ Предельный возраст членства в комсомоле.

в комсомол заново, но ей отказали. «Возможно, через год-другой, – туманно ответил секретарь организации комбината. – Если вы проявите себя должным образом...» «И как, интересно, проявлять себя?» – негодовала Вероника. Вместо одной доски сразу три перетаскивать? Или оставаться сверхурочно для уборки цеха?

Чтобы не свихнуться от безнадёги, Вероника пробовала вести «светскую жизнь» – ходила в театры и на выставки, гуляла по центру Москвы. Надо было вращаться в «культурную среду», заводить приличные знакомства. Одним из таких знакомств оказался помощник оператора с «Мосфильма», представившийся Веронике режиссером. От него Вероника узнала о том, что на территории ВДНХ находится учебное заведение – творческая мастерская эстрадного искусства, готовящая актеров разных жанров. Поступить туда не так уж и сложно, потому что это не высшее, а среднее специальное учебное заведение, но, закончив курс обучения, становишься дипломированной актрисой. А дальше все в твоих руках...

– Это настоящая кузница звезд! – горячился помощник оператора, поминая Бондарчука, Райкина и других небожителей. – У меня там очень неплохие связи, могу свести с нужными людьми.

От предложенной протекции Вероника отказалась, потому что помощник оператора в обмен на протекцию хотел близости, а ей этого совершенно не хотелось. Веронике нра-

вились красивые, статные, представительные мужчины, помощник оператора был плюгавым заморышем с потными ладонями и неприятным запахом изо рта. Но никто не мешал ей поступить в мастерскую самостоятельно, что она и сделала. К тому времени началась так называемая перестройка, и на многое начали смотреть проще. Про комсомол при поступлении ничего не спрашивали. Не состоит Вероника в рядах, так и не состоит, ничего страшного.

Дальше дела пошли в гору, видимо, кто-то там, в незримых горних высях, решил, что хватит испытывать Веронику на прочность, пора бы и вознаградить за все пережитое. Шишки перестали сыпаться с неба, настал черед пряников. Две эпизодические роли в нашумевших «перестроечных» картинах, некогда безумно популярных, а ныне совершенно забытых, сделали Веронику узнаваемой. Не столько среди зрителей, сколько в профессиональной среде. С подачи известного кинорежиссера Гуцула к ней прилепилось прозвище Большеглазый Одуванчик. Одуванчик – потому что худая и кудряшки на голове. Веронику стали часто приглашать на роли восторженных простушек и неисправимых идеалисток. Роли были далеко не главными, платили ей немного, но Вероника и не думала отказываться от съемок. Она использовала любую возможность для того, чтобы «засветиться» на экране, лишний раз побывать на съемках. Съемки – это среда, съемки – это знакомства, съемки – это шанс. Когда Ира Анисимова закатила скандал режиссеру Больша-

кову («не нравится, как я играю, – играй сам!») и покинула съемочную площадку, гордо вскинув остроносую голову, Большаков не побежал за ней (надоело бегать, не мальчик), а отыскал в толпе отдохавших актеров Веронику и велел заменить Анисимову. «Разве ж я смогу?!» – сгоряча ахнула Вероника. Момент был такой судьбоносный, что называется «из грязи в князи», вместо роли соседки (два минутных эпизода, три фразы за весь фильм) – главная роль! «Слушай меня – и все получится», – успокоил Большаков. Вероника слушалась, и все у нее получилось. Анисимова потом рвала на короткостриженной голове волосы, кусала локти, и честила Веронику на чем свет стоит, и падала перед Большаковым на колени, но вернуть роль так и не смогла. Сама виновата, незачем было истерить попусту. Подумаешь – режиссер замечание сделал. Режиссеры для того и существуют, чтобы руководить процессом, делать замечания и говорить свое вечное «пробуем еще раз!».

У каждого актера есть своя «фишка», своя особенность, фирменный отличительный знак. У Вероники таким знаком стала легкость. Она играла легко и естественно, и, кроме этого, с ней легко было работать. С вменяемыми и исполнительными людьми вообще легко работать. Вероника старалась не создавать никому проблем. Мудрое качество, ведь создавая проблемы кому-то, мы в первую очередь создаем их самим себе. Имея далеко не самый покладистый характер, Вероника тем не менее держала себя в руках и старалась идти на

компромиссы.

– С Алецкой приятно работать, – говорили режиссеры. – У нее крышу никогда не сносит.

В личной жизни Вероника была далеко не столь покладиста. Работа – это одно, а личное – совсем другое. Режиссеру можно простить многое, а если столько прощать спутнику жизни, то зачем он нужен? Лучше другого поискать, тем более что недостатка в кандидатах не было. Однажды почти случилось, то есть это Веронике показалось, что случилось, а на самом деле совсем не случилось, потому что любимый (да еще как любимый!) человек оказался таким нехорошим, что и слова подходящего для характеристики в русском языке не найти. В цензурных его пределах, во всяком случае. Узнав, что Вероника беременна (случайность, но, может, и не случайность, а намек свыше – пора бы уже), он взял ее в такой оборот, так затерроризировал, так запугал, что она сделала аборт. Решающим доводом стал рассказ о множестве генетических дефектов, унаследованных любимым вместе с орлиным профилем и фамилией от предков-аристократов. «Нормального ребенка от меня все равно не родишь», – сказал он как припечатал. Ну и еще много чего наговорил, язык у него был хорошо подвешен, и уязвимые места Вероники он изучить успел, времени было достаточно. На Веронику от всего этого, главным образом от сознания того, что ее, оказывается, нисколько не любят, накатила такая беспросветная тоска, даже не тоска, а ужас какой-то, что ей в ка-

кой-то момент стало все равно. Безразличие ко всему – это самое страшное из того, что может случиться с человеком. В подобном состоянии можно сделать то, о чем придется жалеть всю оставшуюся жизнь. «Пусть это никогда больше не повторится!» – взмолилась Вероника за секунду до того, как подействовал наркоз. Мольба была услышана, но неверно понята. Вероника имела в виду предательство, а получила осложнения с «почти стопроцентной», как выражались врачи, перспективой бесплодия.

На фоне пережитого бывшие мытарства стерлись в памяти, словно и не было их никогда. Автомобильный завод? Деревообрабатывающий комбинат? Гулянка в общежитии? С кем это было? Среди множества полезных качеств, которыми обладала Вероника, было умение быстро забывать плохое. Впрочем, не все, потому что самое плохое намертво вращается в душу, и не до конца. При случае Вероника могла выхватить швабру у не слишком старательной домработницы и устроить мастер-класс по уборке помещений. Опять же любая актриса должна знать простую народную жизнь, чтобы правильно воплощать образы. А то ведь просто смешно, когда на экране девушка из народа неотжатой тряпкой полы трет. Все должно быть достоверно. Готовясь к роли Маши в сериале «Летопись счастья», Вероника научилась доить корову и освоила такой девайс, как самопрямка. В роль надо вживаться, ею жить, тогда и результат будет соответствующий. С каждого спрашивается по способностям и воздается

по заслугам.

Года до девяносто пятого Вероника соглашалась на любую предложенную ей роль. Потом приглашений стало так много, что пришлось выбирать то, что больше по душе, или то, что выгоднее. Многие актеры выбирали между кино и театром, совсем уходя со сцены, но Вероника так поступить не могла. Она дорожила театром, как возможностью прямого живого контакта со зрителями. Одно дело – аплодисменты по окончании премьерного показа и совсем другое – аплодисменты по окончании спектакля. Кино берет своей массовостью, но того уровня душевности, что есть в театре, в кино не будет никогда. Для Вероники было очень важно играть и наблюдать реакцию зала. Эмоциональная подпитка, вечное самоутверждение в профессии, ощущение единства с теми, для кого ты играешь, целостность действия, в конце концов. На сцене пьеса, действие отыгрывается от начала до конца и каждый раз по-новому. В кино же нет никакой целостности. Снимаются отдельные эпизоды, и потом уже из них монтируется фильм. В кино нет ощущения того, что ты выходишь и проживаешь жизнь своей героини, только потом, когда смотришь готовый фильм, можно ощутить нечто отдаленно схожее, да и то не всегда. В общем, кино – это кино, а театр – это театр, и этим все сказано.

К тому же Вероника была осторожной и в какой-то мере суеверной, поэтому не любила складывать все яйца в одну корзину. Уйдешь «с головой» в кино, а вдруг перестанут сни-

мать и никаких «запасных аэродромов» не будет? Нет, лучше совмещать сцену со съемочной площадкой. Разумеется, если бы в театре Веронике доставались роли второго или третьего плана, то она бы без сожаления рассталась со сценой. Но роли были одна другой лучше, Вероника считалась если не «примой», то, во всяком случае, одной из ведущих актрис. Как говорил главный режиссер Майк Азаров: «На Алецкую зритель ходит». А еще бы ему не ходить, зрителю-то!

В новое тысячелетие Вероника вступила известной актрисой, лауреатом множества наград и премий, можно сказать – звездой. И все сама, сама, без посторонней помощи, без чье-то могущественного покровительства. Классический пример селф-мейд вумен. Мечта сбылась, жаль только, что не с кем было разделить эту радость – мать давно умерла, а мужчины в жизни Вероники менялись так часто, что ни одного из них нельзя было рассматривать в качестве близкого, родного человека. Мужчина появлялся, очаровывал, некоторое время все было хорошо, а затем Веронике становилось скучно... Или она начинала замечать то, чего не замечала раньше... Или бурный жизненный ритм становился помехой дальнейшему развитию отношений... Очень часто все портила ревность, большей частью надуманная, но от того не менее противная. Непросто быть женщиной известной актрисы, непросто сознавать, что твоя женщина, как выразился один из Вероникиных избранников, «принадлежит всем, кто вовремя включит телевизор». Да и характер у Вероники был

не сахарно-медовый, а скорее укусно-горчичный. На работе и вообще на людях она держала себя в строгих рамках, закрывая глаза на многое, что ей не нравилось, а дома не считала нужным притворяться. Если еще и дома притворяться и играть какую-то выдуманную роль, так получится, что вся жизнь — сплошное притворство, одноактная пьеса, растянутая на много-много лет. В общем, личная жизнь не складывалась, но до поры до времени Веронику это не беспокоило, потому что казалось, что все еще сложится, все еще у нее впереди. Да и некогда, в сущности, было размышлять на тему своего одиночества, потому что жизнь была насыщенной и даже перенасыщенной самыми разнообразными событиями.

Была жизнь. Была. Была и прошла...

4. Лучшее – враг хорошего

Годы не красят – это так. А если и красят, то чем-нибудь таким – внутренним светом, мудростью прожитых лет, но все, что только может обвиснуть, начинает обвисать, морщин становится все больше и больше, в волосах проступает седина... Грустно, грустно.

Когда-то давно, на заре артистической карьеры, Веронике казалось, что она всегда будет молодой. Такой, как сейчас – молодой, обворожительной, сексапильной. Прав был поэт, сказав, что «мы все сойдем под вечны своды», но до поры до времени об этом не задумываешься. И неумолимого бега времени не ощущаешь. Время не бежит, оно ползет или просто стоит на месте. Тик-так, а стрелки не шелохнутся. Но наступит день и...

Беда Вероники, ее личная трагедия, заключалась в том, что она не была готова принять свой возраст, не была готова к переменам такого рода и, как следствие, не смогла принять то, что надо было принять. У каждого возраста, как и у каждого времени года, есть свои преимущества и свои недостатки. Вместе со зрелостью приходит мудрость, приходит уверенность в себе, да много чего приходит. Важно разглядеть, понять, принять и жить с этим дальше. Кризис среднего возраста преодолим, иногда люди справляются сами, иногда им для этого требуется посторонняя помощь. Сорок лет – это

всего лишь двузначная цифра, круглая дата, очередная века, не более того. Это не рубеж, за которым жизнь превращается в увядание, и не роковая черта, делящая жизнь надвое. Это всего лишь цифра – четверка и ноль. Время вспять не повернуть, так какой смысл впадать в депрессию по поводу того, что мы не в силах изменить? Как верно сказано в общеизвестной молитве о спокойствии: «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принять то, что я не могу изменить, дай силы изменить то, что могу, и дай мудрости, чтобы отличить одно от другого».

Веронику сознание того, что ей исполнилось сорок лет, угнетало неимоверно. «Надо же – сорок лет! – ужасалась она. – Бóльшая половина жизни прожита... Бóльшая половина... Страшно подумать!» Вспомнила, что мать умерла, не дожив неделю до шестидесяти двух лет, и ужаснулась еще сильнее – не бóльшая половина, выходит, а все две трети.

А казалось бы...

А еще совсем недавно...

А закроешь глаза, и вроде как вчера...

Сорокалетие праздновать не принято – плохая примета. «Да никакая это не плохая примета, а просто очень гуманное правило, – думала Вероника, глядя с тоской в зеркало. – Чего тут праздновать? Какие могут быть поздравления? Впору соболезнования принимать».

Зеркало не радовало, оттуда на Веронику смотрела некрасивая немолодая женщина с неизбывной печалью в глазах и

гримасой отвращения к себе самой на бледном лице. И еще эти мешки под глазами... И гусиные лапки вокруг...

– Года текут, года меняют лица. Другой на них ложится свет⁸, – продекламировала вслух Вероника.

Меняют, да.

Ванная гостиничного номера была выложена зеленой кафельной плиткой, и на этом фоне лицо казалось еще более бледным. А лампа, висевшая над зеркалом, светила прямо в лицо (чей только воспаленный разум придумал ее сюда при-собачить?), не только безжалостно высвечивая все недостатки, но и делая его шире.

Уже больше недели Вероника не высыпалась, потому что сон у нее был чутким, а слышимость в отеле замечательной. В таких отелях только шпионов селить, уж им-то тут было раздолье – подслушивай сколько хочешь. Ночами Вероника просыпалась по нескольку раз – от шагов в коридоре, дверных хлопков, разговоров и прочих звуков, которые производили другие постояльцы. А в шесть часов утра на улице начинали шкрябать метлами по асфальту дворники, и это шкрябанье было слышно даже при наглухо закрытых окнах. «Наглухо» – ха! К гостиничным окнам это слово не подходило – какое может быть «наглухо», когда все слышно? Противные дворники не ограничивались шкрябаньем, время от времени они гортанно-жизнерадостно перекликались друг с другом. Вероника закатила уже три истерики заместителю

---

⁸ Искаженная цитата из стихотворения С. А. Есенина «Мой путь».

директора съемочной группы, ведавшему размещением актеров, требуя переселить ее в нормальную гостиницу. Заместитель директора разводил короткопалыми руками и бубнил: «Я бы с радостью, Вероника Николаевна, но это же Евпатория!» И взгляд у него при этом был словно у нашкодившего кота. Можно подумать, что в Евпатории нет нормальных гостиниц! Есть, конечно, только каждый норовит урвать в свой карман сколько-то от бюджета, вот и экономят на всем, на чем только можно.

Недосып, плюс ежедневные четырнадцатичасовые съемки, плюс выпитая в скорбном одиночестве бутылка текилы (все-таки дата!) совершенно не красили Веронику. Ей бы принять расслабляющую горячую ванну да лечь спать (после такого количества текилы сон должен быть крепким, невзирая на внешние раздражители), но вместо этого она продолжала стоять, опершись руками на края раковины, и смотреть на себя в зеркало. Смотрела и расстраивалась, расстраивалась, но смотрела. Охота пуще неволи.

Вероника стояла не прямо, а немного склонилась вперед, потому что раковина находилась низко. Эта поза добавила огорчения – полы халата распахнулись, и в зеркале хорошо были видны отвисшие груди. Не так уж они и отвисали, еще неделю назад Вероника по этому поводу практически не расстраивалась, но сегодня... Сегодня все ложилось один к одному, все происходящее нанизывалось только на черную нить.

Оператор Гордеев поинтересовался, доводилось ли Веронике пробовать легендарный советский портвейн «Агдам». То есть не портвейн, а эрзац-портвейн, в Португалии за продажу такого дерьма расстреляли бы без суда и следствия. Или с судом – какая разница, но расстреляли бы точно. Жуткой отравой был этот «Агдам», сногшибательный в прямом смысле этого слова. Вероника, не поняв подвоха (Гордеев – корифей мелкой подлянки, потому что импотент), ответила, что доводилось. И только сейчас она поняла, что это был не просто вопрос, а толстый прилюдный намек на ее возраст. Советского Союза с его напитками и закусками уже почти четверть века не существует, а Алецкая пробовала советский эрзац-портвейн, то делайте выводы... Неутешительные.

Парикмахер Модест, у которого Вероника была накануне отлета из Москвы, нахваливал какую-то новую маску для волос, напирая на слово восстанавливающая. Восстанавливающая... Как говорили древние римляне «Sapienti sat» – понимающему достаточно. Вероника очень часто использовала это выражение, подхваченное еще во время недолгой учебы в ГИТИСе от одного из преподавателей, но сейчас оно прозвучало в уме словно приговор.

Понимающему достаточно. Ты все поняла, Вероника? Или тебе нужно еще...

Память услужливо напомнила о том, что двоюродная сестра Ира в сорок лет стала бабушкой. Мрак беспросветный. Нет-нет-нет! Это ветвь Иринина такая, непутевая, все

девчонки беременеют в выпускном классе. Замуж со школьной скамьи называется. Вероника далеко еще не бабушка... Какая она бабушка? Она еще девочка...

Чтобы доказать себе самой, что года над ней не властны, Вероника отцепилась от раковины, грациозно раскинула руки в стороны (ей всегда нравились широкие рукава, при взмахе похожие на крылья), принужденно улыбнулась и попыталась крутануться перед зеркалом на одной ноге, благо размеры ванной это позволяли. Единственным, что радовало в этой паскудной гостинице, было обилие пространства. Крутанулась неудачно, подошва тапки скользнула по мокрой плитке (умывание холодной водой лица не освежило, а вот пол был залит основательно), нога уехала в сторону, и Вероника упала. Падение получилось неудачным – Вероника с размаху приложилась виском о край раковины (как только череп выдержал, ведь височная кость самая хрупкая) и потеряла сознание. Когда сознание вернулось, попыталась встать, но не смогла – голова кружилась, а ноги подкашивались. Пришлось на четвереньках ползти до кровати.

По пути Вероника два раза останавливалась – ее тошнило. Прямо на ковролин, а куда же еще? Взобравшись на кровать, она сняла трубку стоявшего на тумбочке телефона, набрала ноль с тройкой и простонала в ответ на «слушаю вас»:

– Я, кажется, умираю. Спасите.

Телефон был местный – набирай любые цифры или не набирай, все равно дальше ресепшен не пробьешься. Владелец

гостиницы, которому надоело оплачивать из своего кармана чужие счета за межгород и за приватные разговоры, отключил номера от телефонной сети, рассудив, что в эпоху мобильной связи стационарные телефоны никому не нужны. Дежурный администратор вызвала «Скорую помощь» и, взяв на помощь охранника, прибежала спасать Веронику.

День рождения закончился в реанимационном отделении местной больницы. Вероника, уже протрезвевшая и оклемавшаяся, порывалась встать и уйти, а дежурный врач просил ее остаться и пройти обследование.

– Надо бы провериться, – бубнил он, – внезапная потеря сознания в вашем возрасте...

– Да я просто поскользнулась! – настаивала Вероника. – И ударилась головой о раковину... При чем тут мой возраст?

За упоминание о возрасте хотелось улыбчивого доктора. Только вот шея у доктора была толстой-толстой, бычьей, неохватной. Совсем не по изящным рукам Вероники. Пришлось подавить желание.

Вероника ушла утром. На память о посещении ей выдали выписку, которая сразу же куда-то затерялась, и рентгеновские снимки Вероникиного черепа для последующей консультации у московских светил. Вероника нашла снимкам другое применение – продемонстрировала их на съемочной площадке. Так, ради прикола, хотелось оживить хмурое начало рабочего дня. Народ оживился, начал хвалить классические пропорции Вероникиного черепа, а скрипт-супервай-

зер⁹ Жанна, волоокая длинноногая каланча, углядела внизу рядом с фамилией и инициалами Вероники год ее рождения. И не только углядела, но и озвучила, дрянь такая! Сказать, что едва-едва пришедшее в норму настроение было безнадежно испорчено, означало не сказать ничего. И зачем этим докторам понадобилось написать год рождения рядом с фамилией? Ладно бы была она Иванова или, скажем, Кузнецова, тогда еще понятно, зачем нужен год рождения – чтобы с какой-нибудь однофамилицей не перепутать. Но Алецкая – это же редкая фамилия! А Веронику Алецкую вообще ни с кем спутать нельзя!

Только открой дверь плохим думам, и от них не будет спасения. Сконцентрировавшись на возрастной теме, Вероника вспомнила многое – начиная с уменьшения количества приглашений от режиссеров и заканчивая все более частыми посещениями стоматолога. Проклятое время – бежит, бежит, торопится, и не угнаться за ним!

Вероника была человеком действия, иначе бы она и не стала известной актрисой. «Под лежащий камень вода не течет» – было ее девизом. Есть проблема, которая осложняет жизнь? Надо ее решить!

По существу решение было правильным и состояло из двух пунктов.

Пункт «а» – взять себя в руки и перейти наконец-то к здоровому образу жизни. Перейти на деле, а не в мыслях. Есть

---

⁹ Script supervisor (англ.) – помощник режиссера по сценарию.

не то, что хочется, а то, что полезно или хотя бы не вредно, больше двигаться, регулярно, а не два-три раза в год по вдохновению, заниматься спортом. И наконец-то освоить навороченный велотренажер, подаренный два года назад очередным несостоявшимся спутником жизни. Короче говоря – взяться за ум!

Пункт «б» – отдаться в добрые и надежные руки пластических хирургов, этих кудесников и чародеев, возвращающих человеку утраченную молодость и исчезнувшую красоту. Одними шлифовками, массажами и масками уже не обойтись, пришло время серьезных мер. Радикальных.

Выражение «радикальные меры» очень импонировало Веронике. Звучное оно, убедительное. Скажешь «в случае отказа я буду вынуждена прибегнуть к радикальным мерам» – и собеседник тотчас же сдувается, уступает. Или, например, «примите радикальные меры, чтобы подобное больше не повторялось». Сразу понятно, что от собеседника требуются реальные действия, а не отговорки.

«Я еще стану прежней, – убеждала себя Вероника. – Все поправимо, спасибо прогрессу. Нынче из таких крокодилов Дюймовочек делают... А мне, в сущности, надо не так много – чтобы снова стало гладко и упруго».

Все знают, что аппетит приходит во время еды. Также все знают, что стоит только увязнуть коготку и... Еще на этапе формирования пожеланий (сначала надо решить, чего ты хочешь, а потом уже к докторам обращаться) Вероника поду-

мала о том, что неплохо было бы и нос немного подправить, и губы сделать более сочными, а скулы – более объемными. Хорошеть так хорошеть! А грудь не только подтянуть, но и немного увеличить. До полноценного четвертого размера, не более. И тогда красоту Вероники можно будет назвать совершенной...

– Ах, какое блаженство, знать, что я совершенство, знать, что я идеал!¹⁰ – пропела Вероника.

В каком-то смысле она была права. Если уж идти на радикальные меры, то результат должен не только соответствовать ожиданиям, но и превосходить их. Чтобы явиться поклонникам такой жар-птицей, на которую без рези в глазах смотреть невозможно.

Эту аналогию с жар-птицей, неожиданно пришедшую ей на ум, Вероника потом вспоминала не раз, когда глядела на себя обновленную в зеркало и чувствовала натуральную резь в глазах, как будто песку в них кто-то насыпал. Зажмуривалась, трясла головой, открывала глаза и в который уже раз убеждалась, что наваждение никуда не исчезло. Вернее, убеждалась, что никакого это не наваждение, а горькая-прегорькая правда.

Маркетинг, в смысле – изучение рынка услуг, Вероника проводила самостоятельно. Столь важное и столь деликатное дело никому не поручишь – все сама, сама. И информа-

---

¹⁰ Н. Олев. Леди Совершенство. Песня из фильма «Мэри Поппинс, до свидания».

цию приходится собирать по крупицам, потому что не принято как-то у нас хвастаться визитами к пластическим хирургам. Это не массажисты, которых открыто хвалят, ругают, рекомендуют. И не парикмахеры. И не домработницы. И не стоматологи с гинекологами, в конце концов, не говоря уже о психоаналитиках. Упоминать о том, что ты ходишь к психоаналитику, стильно и современно (Вероника тоже было, поддавшись модным течениям, лет пять назад завела себе личного психоаналитика, но занудство за собственные деньги ей не понравилось), хвалить своего стоматолога вполне допустимо, но ни в коем случае нельзя упоминать о том, что ты сделала пластическую операцию. В лучшем случае прослынешь душой... И все подыгрывают – видят же, что человек только что с операционного стола, но говорят: «Ах, как вы похорошели!» И слышат в ответ: «Ах, эта моя новая диета – просто чудо!» Про диеты, кстати говоря, тоже можно рассказывать без проблем, никто тебя не осудит. Анеля Гагарина в прошлом году увлеклась сырым мясом настолько, что рассказывала всем, как стащила кусочек из собачьей миски и каким укоризненным взглядом после этого на нее смотрел ее доberman. Анекдот из домашней жизни звезды, не более того.

Вероника изучала сайты клиник, читала отзывы (не только на сайтах, где пишут только хорошее, но и в других местах) и, если клиника производила хорошее впечатление, звонила туда, не называя себя, и «зондировала почву». По

телефону, во время первого же разговора, проясняется очень многое. Голос в трубке – своеобразная визитная карточка фирмы. Если сотрудники, отвечающие на звонки, любезны и компетентны, то есть толково отвечают на вопросы, клиника, скорее всего, хорошая. Если же любезности и компетентности не наблюдается, а в ответ на вопросы по десятому разу талдычат зазубренные фразы, толком ничего не объясняя, то ну их на фиг, таких корифеев. На «самые выгодные предложения» Вероника не обращала внимания. И ему понятно, что хороший хирург, да к тому же пластический, за копейки работать не станет, это вам не маляр-гастарбайтер. И абы какие материалы, то есть самые дешевые, дорожающая своей репутацией клиника использовать не станет. И оборудование нужно хорошее, а все хорошее стоит дорого. Веронике интересовала не цена, а качество. Деньги у нее были, и экономить на себе она не привыкла. На себе вообще нельзя экономить, потому что если сама себя не побалуешь, то никто тебя не побалует, так небалованной и помрешь.

Из-за строгих критериев отбора итоговый список клиник, из которых надо было выбрать одну, оказался небольшим – всего восемь пунктов. Все восемь клиник следовало посетить, пообщаться с докторами вживую, посмотреть на клинику, прислушаться к интуиции.

Вероника посещала клиники инкогнито, не называя своей фамилии. Ей не хотелось, чтобы поползли слухи о том, что она собирается улучшить свою внешность при помощи

операций. Уцепившись за факт посещения клиники, журналисты могут такого напридумывать... Им только повод дай. Три месяца назад какой-то проныра-папарацци сфотографировал Машу Неронову на территории второй инфекционной больницы, что на Соколиной Горе. И сразу же в Интернете и на страницах бульварных газетенок появилась «сенсационная» информация о том, что у Нероновой ВИЧ-инфекция и жить ей осталось недолго. То, что на самом деле Маша навещала сестру матери, отравившуюся несвежим творогом, никого не интересовало и не интересует. До сих пор нет-нет, да и выскочит в Сети заголовок вроде «Наша Маша скоро умрет». Бессовестные, бесчувственные люди! И вся эта грязь льется в таких масштабах, что о том, чтобы засудить клеветников, даже и думать не стоит. Всех засудить денег не хватит, да и толк какой? Не факт еще, что денежное возмещение морального ущерба покроет расходы (услуги адвокатов нынче ох как недешевы), да и извинения будут напечатаны где-нибудь на самом незаметном месте мелким шрифтом. Ну их всех! Гораздо лучше вообще не обращать внимания на все эти сплетни, слухи и домыслы. И нервы сбережешь, и время, и деньги. Некоторые так вообще радуются тому, что их лишний раз где-то упомянули, неважно в каком контексте. Как говорил покойный режиссер Бубновский (царствие ему небесное, хороший был человек): «Хоть горшком назови, только не забывай».

Один раз, правда, Вероника изменила своему правилу и

сорвалась. Случилось это, когда Ада Феральская заявила в программе «Приоткрытая дверь», что в отличие от некоторых она никогда не получала роли через постель. Ведущий (им бы только рейтинг всеми правдами и неправдами поднять) поинтересовался, не может ли Ада назвать кого-нибудь из этих самых «некоторых». Фамилий Ада называть не стала, но зато назвала роли, якобы полученные через постель. Сделикатничала, называется, ха-ха-ха. Среди этих ролей две были Вероникиными, и получала она их без всякой постели. Ни у кого из посвященных не могло возникнуть в этом сомнений, поскольку обе картины снимал режиссер Югацкий, никогда не скрывавший своих гомосексуальных наклонностей. Какая тут может быть постель? Но это знали посвященные, а у миллионов телезрителей (аудитория у «Приоткрытой двери» была большая) создалось превратное впечатление о Веронике. Что ж, пришлось Веронике самой напроситься в «Приоткрытую дверь» и так же, не называя имен, а только роли, рассказать немножко интересного (и правдивого!) про Феральскую. Око, как говорится, за око, зуб за зуб, ушат грязи за ушат грязи. Феральская быстро сделала выводы – уже на следующий день после показа выпуска «Дверей» с Вероникой позвонила, начала рассыпаться в извинениях, ссылаясь на то, что бес ее попутал (Вероника знала этого беса, имя которому Зависть), и предложила заключить, как она выразилась, «пакт о ненападении». Побоялась, зараза такая, что Вероника еще в какой-нибудь передаче про

нее правду расскажет. Вероника сказала Аде пару ласковых слов, идущих из глубины сердца, и приняла предложение. А не получи Феральская достойный отпор, до сих пор бы хаяла Веронику почему зря. Так что иногда, хочешь не хочешь, а приходится показывать зубы, без этого никак. Без этого тебя сожрут и не поперхнутся. Это в юности, по неопытности и незнанию, Вероника считала, что в актерской среде царят возвышенно-утонченные нравы и друг к другу здесь относятся с уважением и пониманием. А как же иначе, ведь культурная элита, служители Мельпомены, творческие натуры... Сейчас и вспоминать смешно про свой идеализм. У служителей Мельпомены такие же острые локти и зубы, как и у всех остальных, и нравы промеж них царят самые что ни на есть жестокие. Можно быть рядовым педагогом и жить спокойно, можно спокойно жить рядовым бухгалтером, но рядовой актер – это же, в сущности, никто. Ноль без палочки. Ни ролей, ни денег, ни славы, одна только радость – на Новый год подедморозить или поснегурить. Мельпомена сурова – или пан, или пропал, или ты звезда, или можешь считать, что тебя нет.

Вероника объехала все восемь клиник за два дня. Знакомство шло по стандартной схеме – общение на ресепшен, общение с докторами, приблизительная калькуляция. В двух местах Веронику, несмотря на большие дымчатые очки, узнали, поэтому вместо обычных врачей она общалась с руководством клиник. Впечатления были разносторонними,

где-то понравилось больше, где-то меньше, но разница была не настолько большой, чтобы выбрать из восьми клиник одну, самую подходящую. Вероника колебалась, прикидывала, чертила таблицы с плюсами и минусами, даже на картах гадать пыталась (она интересовалась этим делом когда-то, нужно было для роли, и считала, что кое-что усвоила), но так и не смогла сделать выбор. Взяла тайм-аут на день-другой и решила, что если так все и будет, то просто ткнет пальцем в список. Наугад, наудачу.

Выбирать вообще очень трудно, а выбирать тех, кому доверишь самое ценное, что у тебя есть, – красоту и здоровье, еще сложнее. О том, как оно может получиться, Вероника имела представление, не первый день на свете жила. Может так получиться, что без слез на себя в зеркало не взглянешь. Но это больше у дилетантов-непрофессионалов, а Вероника выбирала наилучшую клинику из числа самых лучших.

Если затрудняешься в выборе – положишься на провидение, оно сжадется и подскажет. Вечером, в первый день тайм-аута, на экране зажужжавшего мобильного телефона Вероники высветился незнакомый номер. Обычно Вероника не отвечала на неизвестно чьи звонки, потому что особо одаренные поклонники ухитрялись добыть номер ее мобильного телефона, хотя симку, из конспиративных соображений, покупала домработница Валя, по своему паспорту. Но в этот раз словно какая-то неведомая сила побудила ее ответить.

– Добрый вечер, Вероника Николаевна, – сказал зво-

нивший, и Вероника тут же по характерному пришепetyванию узнала, что ей звонит директор клиники «Magia di Bellezza»¹¹, и сразу же вспомнила его имя-отчество.

– Здравствуйте, Борис Антонович, – ответила Вероника. – Чем обязана?

Суховатое «чем обязана?» должно было настроить собеседника на деловой лад. Звездам, случается, звонят не по делу, а просто из желания «пообщаться». Чтобы потом похвастать знакомством в кругу друзей.

– У меня осталось ощущение незавершенности после нашего последнего разговора, – прошелестел Борис Антонович, – вот я и решил... то есть рискнул вас побеспокоить. Даже больше – я рискну еще раз пригласить вас в нашу клинику...

– Зачем? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Вероника, давая понять, что она еще ничего не решила.

– Для завершения переговоров, – нисколько не смутившись, ответил Борис Антонович. – Я созвал небольшой консилиум, обсудил с коллегами ваши пожелания и теперь готов разговаривать предметно...

– А как мы разговаривали до этого? – поинтересовалась Вероника.

– До этого мы разговаривали абстрактно. – Борис Антонович выдержал небольшую паузу, словно давая возможность Веронике прочувствовать разницу между абстракт-

---

¹¹ Магия красоты (итал.).

ным и предметным разговорами, и продолжил: – Наша клиника несколько отличается от других в плане работы с клиентами. Мы не только говорим об индивидуальном подходе, но и на самом деле работаем не по шаблону, а стараемся исполнить все ваши желания.

На это «стараемся исполнить все ваши желания» Вероника и купилась. Вроде бы ничего особенного, обычные слова, но зацепило. Очень важно к месту сказать нужное слово. Другие говорили про операции, сроки, гарантии, а этот – про исполнение желаний. Пустячок, а приятно. Вероника оттаяла и договорилась с Борисом Антоновичем прямо на завтра.

Борис Антонович продолжил приятно удивлять. Во-первых, показал Веронике на экране своего компьютера ее будущий облик. Не поленился найти в Интернете подходящие фотографии и смоделировал обновленную Веронику в полном соответствии с высказанными ею пожеланиями. Во-вторых, не дожидаясь вопросов, дал Веронике двадцатипроцентную скидку. Из уважения к ее таланту, так и сказал. Это же вдвойне приятно, когда тебе не просто делают скидку, но и красиво ее преподносят, причем без всяких условий, в духе: «Ну, мы надеемся, что вы станете рекомендовать нас своим знакомым». В-третьих, Борис Антонович твердо отметал прочь все Вероникины «а если?» и «а вдруг?», и не просто отметал, а давал по каждому пункту исчерпывающее объяснение. Вероника вдруг почувствовала себя в его кабинете как дома, такое спокойствие снизошло на нее. Определенно

– у Бориса Антоновича была харизма, и, кроме того, он прекрасно разбирался в своем деле. Некоторые руководители могут только добиваться выполнения заданных показателей, а этот понимал все нюансы. И Веронику понимал буквально с полуслова, она еще вопрос не успеет сформулировать, а он уже отвечает.

Когда у Вероники не осталось вопросов, Борис Антонович пригласил в кабинет доктора Сидорова, отрекомендовав его как лучшего специалиста клиники. Сидоров Веронике понравился – не мальчик уже, лет сорок – сорок пять, опыт уже успел наработать, говорит веско, уверенность от него так и исходит волнами, глаза умные, руки сильные, мужские такие руки, не пухлые ладошки. Одно слово – мужчина (простонародного «мужик» Вероника не любила, ухо царапало). К такому не только на стол ляжешь, но и в постель... У Вероники сладко заныло внутри, лицо покраснело, а дыхание участилось. Оставалось только надеяться на то, что собеседники подумают, что это она от волнения, а не по какой другой причине. Стыд и срам! Но руки... Но взгляд... Но манеры...

Манерам Вероника придавала очень большое значение. Чем лучше человек воспитан, чем лучше он ведет себя, тем больше к нему расположения. Она еще в детстве смотрела на поселковую быдлоту и ужасалась: «Ну как так можно!» Врожденный эстетизм или что-то близко к тому.

Растаяв, как эскимо на солнцепеке, Вероника подписа-

ла договор с клиникой, не сильно вникая в его содержание, заплатила аванс (сорок процентов от общей предварительной стоимости услуг) и получила на руки Программу, то есть свою индивидуальную памятку-график. Из клиники она ушла окрыленная, радостная, преисполненная самых радужных надежд. Придя домой, разделась донага и впервые после долгого перерыва разглядывала себя в зеркало без тоски-печали. Ну да – не идеал. Ну да – есть над чем поработать. Но это поправимо, решаемо. Пройдет немного времени, и станет она такой красавицей, что все ахнут, да еще как ахнут!..

Прошло немного времени, и все знакомые действительно стали ахать, глядя на Веронику. Некоторые даже охали, а самые сострадательные, не умеющие радоваться чужому горю, говорили: «Бедная, несчастная Вероника».

5. Мастер-класс

– Кто бы мог подумать?! – анестезиолог Троицкая покачала головой и развела руками, выражая крайнюю степень недоумения.

– Про кого другого еще можно было бы подумать, но не про Локшинцева! – поддержал ее хирург Блувштейн. – Это же – Локшинцев! Живая легенда!

– А диплом-то, диплом у него настоящий? – поинтересовался хирург Коломыйко, педант в квадрате и буквоед в кубе.

– Диплом вроде как настоящий, но кто его разберет? – Блувштейн поднял правую руку и сделал жест, вызывающий ассоциации с вворачиванием лампочки в патрон. – Он же в Самарканде учился, туда вряд ли так просто можно запрос отправить – другое государство, как-никак.

– Через Интерпол, наверное, можно... – предположила Троицкая.

– Какой Интерпол, Анна Юрьевна, не смешите! – всплеснул руками Блувштейн. – Интерпол занимается террористами, торговцами наркотиками, фальшивомонетчиками, убийцами... Причем не рядовыми, а крупными, представляющими международную опасность. Станет вам Интерпол дипломы проверять!

– Ну, не Интерпол, так как-то иначе, – сказал Коломый-

ко. – Должна же быть какая-то процедура! Вот у моей соседки был случай. Домработница украла драгоценности и удрала на родину куда-то под Кишинев. Так ее там задержала молдавская полиция, даже часть драгоценностей вернули. Я думаю, что можно просто позвонить в ректорат института и спросить, учился ли у них Локшинцев.

– А они вам в ответ: «Твоя моя не понимай...»

– Бросьте вы свои шуточки, Леонид Аронович! – перебила Троицкая, которую немного раздражала манера Блувштейна обращать все в фарс. – Чтобы в медицинском институте не понимали по-русски? Скажите, что никому в голову не приходило поинтересоваться.

– Сейчас, за компанию, всех пластических хирургов проверять начнут... – вздохнул Коломыйко.

– Ну и пусть проверяют на здоровье! – Блувштейн пренебрежительно махнул рукой. – Или у тебя, Сережа, тоже документы фальшивые?

– У меня документы настоящие, и ты, Леня, это прекрасно знаешь! И ты знаешь, как у нас все делается – начнут с проверки дипломов и сертификатов, а чем закончат, еще бабушка надвое сказала. Хоть к чему-нибудь да прицепятся...

– Например? – Блувштейн любил конкретику.

– Ой, не хочу я каркать, а то еще сбудется! Сами придумывайте примеры...

– И все-таки кто бы мог подумать?! – повторила Троицкая. – Локшинцев – это же хирург номер раз!..

«Номер раз» – это, конечно, преувеличение, но вне всякого сомнения Эрнест Локшинцев был одним из ведущих специалистов Москвы, а стало быть, и России. Попасть к нему «на стол» было практически невозможно, очередь растягивалась едва ли не на годы. Говорить о нем полагалось с благоговейным придыханием: «Это же Эрне-е-ест!»

Несмотря на свою великую популярность, Локшинцев был незаносчив и прост в общении. Простота подкупала еще больше – как же, такой человек, а обращаться к нему можно по имени. Локшинцев действительно просил называть его Эрнестом, без традиционного величания по имени-отчеству. По мнению Александра, дело здесь было не столько в демократичности, сколько в гармонии. «Эрнест Рудольфович» звучит нормально, «Эрнест Александрович» или «Эрнест Яковлевич» – тоже, но «Эрнест Кононович» вызывает улыбку разительным несочетанием старинного русского имени с греческими корнями и современного германского имени. Короче говоря – не звучит, лучше уж действительно зваться только по имени.

В Москве Локшинцев появился семь лет назад, и его появление выглядело как возвращение на родину (из Лондона, не откуда-то там) после долгого периода учебы и работы за границей. О себе Локшинцев рассказывал мало, но места, в которых он стажировался и работал, перечислял часто и охотно. Список был длинным и впечатляющим, но еще больше впечатляла бронзовая рука с зажатой в ней волшебной

палочкой, стоявшая на столе у Локшинцева. На подставке была укреплена табличка с витиеватой надписью на французском языке.

– Волшебнику от королевы, – охотно переводил Локшинцев.

Имени королевы он не называл, блюл тайну. Клиенты млели и преисполнялись благоговения. Коллеги отчаянно завидовали. Всезнайка и сплетник доктор Марыськин утверждал, что статуэтку Локшинцеву подарила королева Нидерландов Беатрикс. Доктор Блувштейн находил в статуэтке «выраженные британские мотивы» (что это такое, он не объяснял) и придерживался версии с английской королевой. Если недалекие люди замечали, что английская королева вряд ли бы стала дарить статуэтку с надписью на французском языке, Блувштейн многозначительно улыбался и интересовался, приходилось ли кому слышать о таком понятии, как конспирация.

Имен своих пациентов Локшинцев не разглашал (какой бы ты ни был бахвал, только начини делать это и положишь конец своей врачебной карьере), но, если верить слухам, у него оперировались «сливки из сливок» общества. Геннадий Валерианович не без оснований называл Локшинцева «придворным пластическим хирургом» и не раз высказывал сожаление в отношении того, что «та-а-акой специалист» работает на конкурентов.

И вдруг – грянул гром среди ясного неба. Оказалось, что

все документы, подтверждающие профессиональную состоятельность доктора Локшинцева – от свидетельств об окончании клинической ординатуры по хирургии и специализации по пластической реконструктивной хирургии до многочисленных дипломов иностранных клиник, где он якобы стажировался, – поддельные. Только действующий врачебный сертификат настоящий, но выдан-то он на основании поддельных документов. Только диплом об окончании медицинского института в Самарканде вроде как был настоящим.

Разоблачила Локшинцева комиссия из Роспотребнадзора, пришедшая в клинику, где он работал, с обычной рутинной проверкой. Кому-то что-то не понравилось, начали уточнять, и чем дальше, тем больше вопросов появлялось к Локшинцеву. Закончилось тем, что Локшинцев, в качестве обвиняемого находившийся под подпиской о невыезде, сбежал от следствия, исчез в неизвестном направлении. Наверное, у него было достаточно поддельных документов для того, чтобы начать новую жизнь где-нибудь на новом месте или хотя бы «залечь на дно», пока не закончится весь этот шум-гам. Статьей ему инкриминировали три – использование заведомо подложных документов; оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью и смерть человека (смертей, к счастью, не было, а несколько пациенток с осложнениями по делу проходило), и публичное оскорбление представителя власти при испол-

нении им своих должностных обязанностей. Уповая на поддержку своей влиятельной клиентуры, Локшинцев держался со следователями нагло и позволил себе несколько нецензурных выражений в их адрес.

Уже три недели Локшинцев был в бегах, но разговоры о нем среди коллег продолжали оставаться темой номер один. Уж очень все было неожиданно, уж очень высоко он поднялся и очень низко пал. Некоторые оригиналы считали, что к Локшинцеву прицепились почем зря – если уж человек на деле доказал, что он владеет своей специальностью, так можно было бы оштрафовать его на какую-нибудь более-менее значимую сумму, чтобы впредь неповадно было подделывать документы, и оставить в покое, пусть себе оперирует дальше. Оперировал же он нормально.

Геннадий Валерианович при упоминании Локшинцева приторно охал и качал головой (вот ведь какая оказия!), но глаза его светились откровенной радостью. Приятно же, когда у конкурентов проблемы. А с другой стороны, если рассуждать с юридических позиций, к любому пластическому хирургу можно докопаться по поводу документов-сертификатов. Специальность хоть и давняя, старая, появившаяся еще в Советском Союзе, но с юридической точки зрения новая (Минздрав РФ официально признал пластическую хирургию как самостоятельную специальность в 2009 году) и в смысле законов и стандартов еще довольно «сырая». Многие положения можно толковать двояко, ряд вопросов вооб-

ще еще не регламентирован, одним словом, каждый пластический хирург в своей работе ходит по лезвию ножа или по минному полю, это уж кому какое сравнение больше нравится.

Александр Локшинцеву сочувствовал. У человека определенно был талант, дар Божий. Можно было бы приложить немного усилий, потратить какие-то деньги на оплату обучения и вместо липовых документов иметь настоящие. В наш век повально-тотальной компьютеризации работать с поддельными документами очень опасно, потому что очень легко и просто разоблачить обман, сверившись с какой-нибудь базой. Впрочем, Локшинцев был не один такой «липовый» деятель. В прошлом году был скандал в клинике «Янина-Шарм», где врачом-косметологом работала дама с дипломом фармацевтического факультета. Геннадий Валерианович шутил по этому поводу: «Плох тот фармацевт, который не мечтает стать косметологом». В другой клинике пластические операции делал отоларинголог. Да – хирургическая специальность, да – много общего, но он ведь не только форму носа исправлял и пластикой ушных раковин занимался, но и пластикой молочных желез, которая ничего общего с отоларингологией не имеет. Никто не спорит, руку набить можно и без профессиональной переподготовки, но медицина – это не та отрасль, где место самоучкам. Фундаментальные знания необходимы. Надо хорошо представлять, где ты производишь то или иное вмешательство, какие сюрпризы

могут тебя ожидать, какая методика предпочтительнее, какие возможны осложнения и так далее. Чтобы хотя бы не повреждать нервы при проведении операции круговой подтяжки лица. А то получают пациенты в нагрузку к омоложенному лицу опущенное веко или, скажем, искривленный рот. Вместо радости – печаль. А случается и хуже, много хуже.

С «много хуже» мысли Александра переключились на Веронику Алецкую. Сегодня в три часа дня их первая встреча, ответственное мероприятие, от успеха которого зависит успех всей дальнейшей работы. Точнее – ответственное мероприятие, от которого зависит, будет ли эта самая дальнейшая работа иметь место или нет.

Александр не обольщался в отношении Вероники. После того как тебе «испортили» лицо в прямом смысле этого слова, трудно сохранить доверие к врачам. Гораздо проще убедить себя в том, что «все они сволочи», тем более что и врач, оперировавший Веронику, и его непосредственный начальник – руководитель клиники, и эксперт, к которому обращалась Вероника (во всяком случае в телефонном разговоре она упомянула об этом), придерживались одного и того же мнения, считая все случившееся с Вероникой возможным послеоперационным осложнением, а не следствием врачебной халатности. А все риски, согласно договору, принимал на себя клиент. Мудро. Называется «где сядешь, там и слезешь».

А душа болит. Обидно, понимаешь.

Кроме того, два года унылого одиночества, в отрыве от любимой профессии и ее «плюшек», не могут не сказаться на характере. А если добавить сюда отчаяние, то получится в полном смысле слова адская смесь, постоянно разъедающая душу.

Можно ли надеяться, что общение с Вероникой Алецкой будет приятным и несложным?

Можно, если ты идиот.

Александр идиотом не был и потому готовился к трудному, возможно, крайне эмоциональному разговору. Он намеренно попросил Веронику приехать к трем часам, уже по окончании операций. Такой был у него принцип – до операций по возможности избегать любой нервотрепки, чтобы во время операции руки не дрожали и лишние мысли в голову не лезли. А после операции можно немного и понервничать.

Несмотря на свое «нордическое», как выражался Геннадий Валерианович, спокойствие, Александр многое принимал близко к сердцу и еще больше, как выражалась его мать, «брал в голову». Только вида не подавал, но порой под маской спокойствия бушевали такие бури, что только держись.

На сегодняшний разговор Александр настраивался с самого утра. Проработал в уме самые неблагоприятные варианты, постарался найти несколько «крючков», которые могут спасти положение. Очень трудно подбирать «крючки» к незнакомому человеку, это все равно что подбирать отмычки к замку, не видя самого замка. Но к трудным разговорам-пе-

реговорам положено готовиться заранее. Хоть немного, чтобы неблагоприятные повороты не застали тебя врасплох.

Кто-то мог бы подумать, что Александр излишне драматизирует, чересчур сгущает краски. Зачем «париться», ведь Алецкая целенаправленно обратилась в клинику «La belle Hélène», чтобы оперироваться у Александра. Ну не она, так ее спонсор-покровитель, разницы нет никакой. Стало быть, никуда она от Александра не денется. И он от нее никуда не денется, потому что уже взялся, дал согласие. Отнекивался-отнекивался, а потом дал. Никто за язык не тянул. Откажешься – никто не поймет, да и невозможно отказаться.

Еженедельная утренняя врачебная конференция была недолгой. Геннадий Валерианович подвел итоги прошлой недели (у всех нагрузка «выше крыши», никаких чрезвычайных происшествий), рассказал пару свежих сплетен из Департамента здравоохранения, после чего обсудили, что дарить отсутствовавшему Марыскину на юбилей, но к единому решению так и не пришли.

Сегодняшняя операция была давно отработанной до автоматизма и не предвещала никаких осложнений, то есть по закону подлости (а уж он в медицине срабатывает при первой удобной возможности) относилась к категории операций, во время которых нужно быть особенно внимательным. «Где тонко, там и рвется», – гласит народная мудрость. «Где все просто – жди беды», – дополняет ее мудрость врачебная.

Круговая подтяжка лица с пластикой век и липосакцией

подбородка. Подтягивается не только кожа, но и находящиеся под ней мышечные ткани. На все про все – от трех с половиной до пяти часов, и это с учетом того, что Александр «легок на руку», оперирует быстро. Более точные временные рамки ставить нельзя, потому что никогда не угадаешь, как пойдет операция. Разрез на затылке, с таким расчетом, чтобы послеоперационный рубец был скрыт под волосами, удаление «лишнего», подтяжка, фиксация, удаление избытка кожи и жировой клетчатки с век, «откачать» через трубочки-канюли жир с подбородка. Липосакция подбородка с точки зрения эстетики – самый ответственный момент операции. Подбородок невелик и находится на виду, малейшие диспропорции, которые так легко получить, будут бросаться в глаза и сводить на нет эффект от всей операции в целом. Надо хорошо представлять, какой формы ты хочешь добиться и сколько откуда для этого надо откачать жира.

Изъян на лице пациента – изъян на репутации врача. Первое в большинстве случаев поддается коррекции, второе – нет. Напрасно надеяться, что о твоих промахах забудут. Разве что реже вспоминать станут, потому что найдутся более интересные темы. Но при случае вспомнят все – и то, что было пять лет назад, и десять, и пятнадцать. Если есть что вспомнить, то непременно вспомнят. «*Memoria est signatarum rerum in mente vestigium*» – «Память – это след вещей, закрепленных в мысли». Неизгладимый след. У Александра еще не было ни одного пятна на репутации, и он очень

надеялся, что никогда не будет. Он не просто надеялся, а прилагал все усилия для того, чтобы пятен не было.

Если бы Геннадий Валерианович имел в три раза больше недостатков, то все их можно было бы простить ему за внимательное отношение к психологической совместимости сотрудников. Если, скажем, хирург не мог сработаться с анестезиологом, Геннадий Валерианович шел навстречу – перетасовывал график таким образом, чтобы все были довольны. В первую очередь – хирург, потому что анестезиолог готовит и обеспечивает, а хирург оперирует. Никакой дискриминации, один лишь прагматизм, здравый смысл. Например, анестезиолог Троицкая – молчунья, не склонная к пустопорожней болтовне. А хирург Блувштейн во время операции буквально не закрывает рта, ему так комфортнее. Сотрудники шутят – «если Леонид Аронович молчит, значит, он умер». Можно ставить Троицкую и Блувштейна на одну операцию? Разумеется – нет. Лучше поставить Троицкую в паре с доктором Бергом, а Блувштейн пускай работает с Гаспаряном, который тоже любит поговорить, тем более что у них есть одна общая тема, которую можно обсуждать бесконечно, – чей народ древнее.

Александр мог работать с кем угодно, лишь бы человек знал свое дело. Во время операций он думал о том, что он делает, и больше ни о чем. И не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Перешагнул через красную полосу¹²

---

¹² Красная полоса отделяет так называемую первую или стерильную зону (сюда

– отрезился от всего постороннего, от мирской суеты. Молчит ли операционная сестра или делится с анестезиологом рецептом пирогов с мясом и грибами – какая разница? Делайте свое дело, не мешайте мне делать свое, и все будет хорошо.

«Ассистент здесь, операционная сестра здесь, анестезиолог с сестрой здесь, – начал методично фиксировать мозг, стоило только Александру войти в операционную, – пациентка подключена к наркозному аппарату, инструментальный столик «сервирован», биксы с перевязочным материалом есть...»

– Можно начинать! – разрешила Троицкая, переглянувшись со «своей», то есть – с анестезиологической, медсестрой Галиной Васильевной.

– Спасибо, – поблагодарил Александр, подмигивая ассистенту.

«Спасибо» было частью ритуала. Анестезиолог с медсестрой приготовили пациентку к операции, надо поблагодарить их за это. Подмигивание – тоже ритуал. Ассистент, доктор Кузоватый, немного мнителен, эта мнительность и мешает ему достичь высот в профессии, стать специалистом экстра-класса. Его обязательно надо подбодрить перед началом операции. И лучше не словами, которые слышны всем (по-

---

входят помещения, в которых соблюдают наиболее строгие требования асептики, – операционный зал, стерилизационная) от других помещений операционного блока. Красную полосу можно переходить только в специальной одежде, бахилах и хирургической маске.

добно многим мнительным людям Кузоватый стеснителен), а жестом, который окружающие не заметят. Кузоватый улыбнулся в ответ (даже под маской заметно), плечи расправил — молодец.

В клинике «La belle Hélène» строго соблюдался принцип «один анестезиолог на один стол», иначе говоря, один врач анестезиолог-реаниматолог на одну операцию. На одну, а не на две, как во многих других местах. Да, в экстренных случаях, при наличии двух квалифицированных анестезиологических медсестер, один анестезиолог может «обеспечивать» две операции одновременно. Но это в экстренных случаях, в какой-нибудь скорпомощной больнице, при одновременном поступлении нескольких тяжелых больных, нуждающихся в срочной операции. В экстренных, а не в плановых! Анестезиолог же не просто так стоит возле пациента, дожидаясь, пока хирург закончит оперировать, он на протяжении всей операции следит за работой сердца, мозга и за дыханием оперируемого, принимая меры для предотвращения возможных осложнений. При необходимости оказывает реанимационное пособие. Как быть, если при работе «на два стола» оба пациента одновременно начнут умирать? Разорваться надвое? Для плановых операций ситуация «один анестезиолог на два стола» немыслима, но тем не менее в целях экономии многие клиники (в том числе и весьма престижные) предлагают врачам такую схему. Вместо «предлагают» можно поставить «заставляют», ибо предлагают весьма на-

стойчиво и альтернативы не оставляют. Врачи соглашаются. У каждого свои мотивы, кто-то боится потерять хорошее место, кто-то хочет получать надбавку за интенсивность, не думая о том, сколько за такую «интенсивность» (не дай бог, конечно) может добавить судья.

Александр принял у Инны скальпель, поднес его к коже и легко, почти не нажимая, провел нужную линию. Принцип один и тот же, что в хирургии, что в каллиграфии – скальпель или кисть, то есть инструмент, должен стать продолжением твоей руки. Думай о том, что ты хочешь сделать, и не задумывайся о том, как ты это делаешь. Если приходится задумываться, то это означает, что навык отработан недостаточно хорошо.

– Мастер-класс! – восхищенно выдохнул Кузоватый, когда был наложен последний шов.

– Если что меня и погубит, так это ваша лесть, Виктор Артемович, – строго сказал Александр, не любивший, когда из него делали «культового» хирурга. – Всем спасибо! Мы сегодня молодцы.

Сегодня все были молодцы – и медики, и пациентка, которая вела себя исключительно хорошо. Каким образом человек, которому дали наркоз, может вести себя плохо? Вариантов уйма – от внезапной остановки сердца и...

Закончив операцию, Александр проверил список пропущенных вызовов на телефоне. Как обычно – четыре пропущенных звонка от любимой женщины и тревожная эсэмэска

«Почему не отвечаешь? Я волнуюсь, не знаю, что и думать». А что думать, если звонишь хирургу в разгар рабочего дня, а он не отвечает? Тут думать нечего, раз не отвечает на звонок, значит, занят на операции. Или на перевязке, или на консультации...

Четыре звонка и одно сообщение означали, что ничего особенного не произошло. Если бы произошло, то пропущенных звонков было бы пятнадцать, если не двадцать, а сообщений не меньше семи-восьми. Любимая женщина при всех своих выдающихся достоинствах порой была настойчива до назойливости. Александр не стал перезванивать, зная по опыту, что разговор может затянуться на полчаса, а ограничился эсэмэской: «Извини, был на операции. Что-то случилось?» Ответ пришел мгновенно: «Ничего не случилось, просто хотела услышать твой голос». Упрек просвечивал явно – я хотела услышать твой голос, а ты даже перезвонить не удосужился. Наверное, должно быть приятно, когда тебе звонят на работу для того, чтобы услышать твой голос... Наверное.

Без пяти три Александр сидел в своем кабинете, листал свежий номер *Aesthetic Plastic Surgery*¹³ и поглядывал на ча-

---

¹³ *Aesthetic Plastic Surgery* – издание Международного общества пластических и эстетических хирургов (ISAPS – International Society of Aesthetic Plastic Surgery), также является официальным журналом Европейской ассоциации общества эстетической пластической хирургии (EASAPS), Индийской ассоциации эстетических пластических хирургов (IAAPS) и общества Бразильских пластических хирургов (SBCP).

сы. Наличие своего кабинета вдобавок к общей ординаторской было не привилегией, а вынужденной необходимостью. Где еще вести конфиденциальные беседы с пациентами? Не в коридоре же.

У Александра было железное правило – не ждать никого более четверти часа. Время дорого, а некоторые люди его совершенно не ценят, могут опоздать на час, а то и на два. Это их личное дело и их личное время, своим временем Александр разбрасываться не собирался, поэтому неизменно сообщал всем, с кем договаривался встретиться, что дольше четверти часа не сможет их ждать. Имея склонность к типологизации, он делал кое-какие выводы из того, во сколько человек приходил на встречу. А еще систематизировал женские характеры по типу ягодиц, но с широкой публикой этими данными не делился.

Вероника Алецкая опоздала на двенадцать минут. «Расстановка приоритетов? – подумал Александр, выходя из-за стола ей навстречу. – Или просто со временем не в ладах?» Скорее всего Вероника опоздала намеренно, желая таким образом обозначить свое доминирование, потому что по коридору она шла неторопливо (Александр слышал, как цокали по полу ее каблуки) и столь же неторопливо вошла в кабинет.

Усевшись в другое кресло (беседы «через стол» выглядят чересчур официально), Александр всмотрелся в лицо Вероники, оценивая характер и масштабы предстоящей рабо-

ты. Всмотрелся деликатно, не пялился как баран на новые ворота, а, можно сказать, скользнул беглым взглядом, ему как профессионалу этого было достаточно. Да уж, наломали дров горе-коллеги, ничего не скажешь. Довольно неплохой нос, который требовал небольшого аккуратного вмешательства, превратился в некое подобие баклажана, лицо асимметрично искривлено, неестественность мимики говорит о повреждении нервов, кожа на подбородке обвисла складками, веки слева не смыкаются, да вдобавок лицо грубо отшлифовали, в результате чего кожа местами стала «мраморной». Не лицо, а пособие из серии «так делать нельзя». Бедная женщина, а у нее ведь еще и с грудью проблема, Геннадий Валерианович упоминал.

Вероника поерзала в кресле, затем закинула ногу на ногу, окинула Александра демонстративно-оценивающим взглядом и с неодобрением констатировала:

– А вы красавчик.

– Это плохо? – спросил Александр, немного озадаченный подобным началом разговора.

– Очень, – поджала губы Вероника (верхнюю губу, впрочем, специально поджимать было не надо, она все время выглядела поджатой) и пояснила: – Красавчики легкомысленны и самоуверенны. К тому же они плохие специалисты, потому что предаются радостям жизни в то время, когда другие сидят над книжками. Тот, кто меня изуродовал, тоже был красавчик. Лощеный такой. Выставочный экземпляр...

Проводив Алецкую, Александр несколько минут просидел в кресле, раздумывая над словами Конфуция, который сказал, что цзюнь цзы, или благородный муж, должен ясно видеть и четко слышать, должен быть приветливым, почтительным, искренним, осторожным, должен спрашивать, если сомневается, должен предвидеть последствия своего гнева и должен помнить не только о выгоде, но и о справедливости. Видимо, великий мудрец намеренно не оперировал понятием доброты, чтобы не оставлять благородным мужам лазейки. Доброта – очень растяжимое понятие, которое каждый может перекроить на свой аршин. Можно придаться к поведению или к словам Алецкой, отказаться работать с ней и продолжать считать себя добрым человеком. А еще можно говорить о себе «я добрый, но не добренький» и объяснять этим многое из того, что идет вразрез с понятием доброты.

Но если речь идет о приветливости, почтительности, искренности, справедливости и способности предвидеть последствия своего гнева, тут уже лазеек не остается. Совсем никаких. Если обойтись с Алецкой неприветливо и непочтительно, то контакта не получится. А контакт нужен, контакта искренне хочется. К тому же элементарная справедливость требует исправления ошибок. Кто что натворил и кому исправлять – это вторично, первично – само исправление. И о последствиях – если разозлиться и отказаться работать с Алецкой, то это может обернуться для нее новой трагедией. А вдруг она больше ни к кому другому не захочет обра-

щаться? Обожжется два раза и решит не иметь больше дел с пластическими хирургами? «Не забывайте, что каждый клинический случай может стать чьей-то трагедией!» – часто повторял профессор Тепляков. Тепляков читал лекции по нервным болезням, но эти его слова можно (и нужно!) было отнести ко всей медицине в целом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.